

УПРАЖНЕНИЯ БРАТСТВА «ОБЩЕНИЯ И ОСВОБОЖДЕНИЯ»

«ХРИСТОС – ЖИЗНЬ ЖИЗНИ»

29 АПРЕЛЯ – 1 МАЯ 2022 Г.

«ХРИСТОС – ЖИЗНЬ ЖИЗНИ»

УПРАЖНЕНИЯ БРАТСТВА
«ОБЩЕНИЯ И ОСВОБОЖДЕНИЯ»

2022

На обложке: *Икона Христа*. Музей цистерцианского монастыря Поблет, Каталония, Испания

По случаю духовных упражнений Братства «Общения и освобождения» на тему «Христос – жизнь жизни» понтифик с радостью обращает ко всем участникам свое сердечное приветствие. Он желает, чтобы дни духовных упражнений стали благоприятной возможностью обновить приверженность божественному Учителю ради все более плодотворного присутствия в Церкви и обществе в принадлежности к харизме Слуги Божия отца Луиджи Джуссани. Перед лицом индивидуализма и безразличия, которые характеризуют наше время и ведут к отчуждению стольких жизней, Святейший Отец призывает задуматься о том, что христианский ответ заключается не в обреченной констатации современного ценностного обнищания и не в ностальгическом оплакивании прошлого, а в милосердной любви, вдохновленной доверием к Провидению, любящей свою эпоху и в смирении способной обновлять все. С такими пожеланиями Его Святейшество уверяет, что помнит о вас в молитве, и с радостью преподает вам апостольское благословение, залог всех желанных благ.

Кардинал Пьетро Паролин, госсекретарь Ватикана,
11 апреля 2022 г.

Пятница, 29 апреля, вечер

На входе и выходе:

Сергей Рахманинов. Литургия св. Иоанна Златоуста, оп. 31

*Валерий Полянский – Государственная симфоническая академическая капелла России
«Spirto Gentil», n. 21, (Claves Records) Universal*

■ ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО

Давиде Проспери

Обратимся с молитвой к Духу Святому, да сопровождает Он нас на пути в эти дни; всеми силами и со всем смирением, на которые мы способны, попросим о благодати быть открытыми Его действию, чтобы мы еще раз могли вкусить сладость Христова присутствия среди нас и вернуться домой возрожденными, воссозданными.

Гимн Святому Духу

Прежде всего прочитаю телеграмму от Святейшего Отца:

«По случаю духовных упражнений Братства „Общения и освобождения“ на тему „Христос – жизнь жизни“ понтифик с радостью обращает ко всем участникам свое сердечное приветствие. Он желает, чтобы дни духовных упражнений стали благоприятной возможностью обновить приверженность божественному Учителю ради все более плодотворного присутствия в Церкви и обществе в принадлежности к харизме Слуги Божия отца Луиджи Джуссани. Перед лицом индивидуализма и безразличия, которые характеризуют наше время и ведут к отчуждению стольких жизней, Святейший Отец призывает задуматься о том, что христианский ответ заключается не в обреченной констатации современного ценностного обнищания и не в ностальгическом оплакивании прошлого, а в милосердной любви, вдохновленной доверием к Провидению, любящей свою эпоху и в смирении способной обновлять все. С такими пожеланиями Его Святейшество уверяет, что помнит о вас в молитве, и с радостью преподает вам апостольское благословение, залог всех желанных благ. Кардинал Пьетро Паролин, госсекретарь Ватикана».

В эти дни вместе с нами в упражнениях по видеосвязи участвуют друзья из сорока двух стран, а в ближайшие недели их проведут еще в сорока восьми странах; упражнения синхронно переводятся на семь языков. Таков масштаб этого события.

Почему мы здесь сегодня вечером? Зачем мы остаемся вместе на протяжении трех дней: кто-то в этом зале, кто-то на расстоянии, но все равно в единении? Что в очередной раз убедило нас собраться, собраться вместе после двух лет пандемии, из-за которых мы преодолели одиночество и боль от потери многих дорогих людей, вместе после испытаний и потрясений, выпавших на долю нашего Движения, вместе перед неуверенностью в завтрашнем дне, омраченном грозной тенью смерти и злом, которое несет война?

Отец Джуссани, начиная духовные упражнения Братства в 1992 году, так ответил на этот вопрос: «Что по-настоящему важно в этой компании, так это нечто нерушимо общее для нас. У каждого из нас своя индивидуальность, свое лицо, свое сердце, свой темперамент, свой характер, и относительно немногие знают друг друга во всех этих подробностях. Но даже у тех, кого я никогда не видел, кто затерялся в полумраке, усиленном этими яркими прожекторами, обжигающими мне глаза, даже у тех, кого я никогда не видел, из общего со мной – жизнь как задача, подлежащая осуществлению, задача, не мной и не ими поставленная или придуманная, общая задача, одинаковая для меня и для последнего человека, для самого далекого из вас с географической точки зрения, задача вверенная. Общим является для нас то, что мы желаем узнать, хотим узнать, всем сердцем жаждем узнать „причину“ этой задачи; мы также хотим узнать, куда идут все наши жизненные силы, все наше самовыражение, вся наша самоотдача, вся наша жизнь, в чем *цель* жизни, трудностей, которые приходится выносить, противоречий, которые приходится преодолевать, стыда за себя, который приходится испытывать («Молись о нас грешных»). Это является общим для всех, это наиболее важно для каждого из нас. И мы собираемся вместе, только чтобы переосмыслить эти слова, которые, будучи основой жизни каждого, всегда одни и те же и всегда другие, когда мы их повторяем. Вот чудо и тайна жизни, действительно являющейся жизнью и выражающейся на уровне этих слов, играющих драматичную и решающую роль для лица, которому суждено пребывать вечно: для вечного лица нашего „я“»¹.

Каждый из нас сегодня вечером призван вновь задать самому себе великий вопрос, который нас учили задавать всякий раз, когда мы собираемся: я, я Давиде, и ты, как бы тебя ни звали, почему я и ты здесь сегодня вечером?

Я здесь, потому что много лет назад со мной произошла встреча. Поначалу речь шла лишь о притягательном опыте, о притягательной

¹ L. Giussani. *Un avvenimento nella vita dell'uomo*. Milano: Bur, 2020. P. 86–87.

человечности, исполненной обещания, обещания смысла жизни, обещания задачи, обещания идеала, способного сделать жизнь в сто раз более полной и великой, идеала, способного обосновать радости и страдания, справедливость и несправедливость, счастье и несчастье, которыми неизбежно отмечена жизнь – моя и всех людей. Встреча погрузила меня в поток жизни, принявший форму определенной компании, человеческой компании, чьи величие и силу я пережил на опыте. Сила состояла в том, чтобы оценить и взрастить благое семя, которое было во мне, и не позволить мне остановиться перед собственным злом и ничтожеством. Если выразить одним словом смысл истории, приведшей меня сюда сегодня вечером, это будет слово «милосердие». Милосердие, потому что я понимаю: я смог до сих оставаться верным этой истории прежде всего благодаря верности Господа моей жизни, верности, воплотившейся в лицах многих моих попутчиков, которых Он дал мне на этом пути. Милосердие, как учил нас отец Джуссани, – слово настолько бездонное, что стоило бы вычеркнуть его из словаря. В моем опыте милосердие означает следующее: мы не являемся результатом наших расчетов. Скажи мне кто-нибудь несколько лет назад, что сегодня я буду здесь выступать, я бы точно рассмеялся. Но мы не результат наших расчетов: «Довольно для тебя благодати Моей, – говорит Господь святому Павлу, – ибо сила Моя совершается в немощи»².

Позвольте мне еще одну мысль. Чему именно мы своим пребыванием здесь сегодня, говорим да? Чему говорю да я? Какой задаче, если вернуться к слову, использованному отцом Джуссани в тексте, процитированном выше? Мне кажется, в начале упражнений, центрального события для жизни Братства, важно ясно сказать всем, в чем заключается ответственность, которую Дух Святой через авторитет Церкви возлагает на нас в этот момент нашей истории, в том числе и потому, что многие в последние недели спрашивали меня об этом. Правильно будет, если мы сразу же начнем помогать друг другу в этом шаге.

Говоря коротко, от нас просят участвовать – увлеченно и вместе с тем в духе сыновнего послушания – в обновлении современной Церкви. В конце девяностых Церковь в лице Иоанна Павла II торжественно признала, каким основополагающим ресурсом были и являются мирянские движения для обновления Церкви и ее миссии, особенно во все более секуляризованном западном мире. Тридцатого мая 1998 года (многие из нас это помнят) на площади Святого Петра собрались все основатели самых известных церковных движений. Многих, и среди них – отца

---

² 2 Кор. 12:9.

Джуссани, сегодня уже нет в живых. Сопровождая движения в деликатном переходном процессе от эпохи основателя к дальнейшей жизни, процессе, с которым столкнулось не только наше движение, руководство Церкви обрело все более зрелое понимание того, каким ценным даром являются харизмы движений для всей Церкви, а также какие изменения необходимы, чтобы они приносили больше плодов. Первым и, несомненно, неокончательным результатом этой работы осмысления, работы, начатой не в понтификат Франциска, а еще во времена Иоанна Павла II (достаточно прочесть важное выступление тогдашнего кардинала Ратцингера как раз по случаю Всемирного конгресса движений, прошедшего в мае 1998 года), стало письмо Конгрегации доктрины веры *Iuvenescit Ecclesia* – документ, который стоит читать и осмыслять. За ним последовали два текста, хорошо известные всем нам: Общий декрет о международных объединениях верных и выступление папы Франциска от 16 сентября прошлого года. Что же, Церковь просит у нас стать чем-то другим по отношению к тому, чем мы всегда были? Такой вопрос задали или задают себе многие из нас. И я хочу на него ответить. Утверждая меня в должности президента Братства на ближайшие годы, кардинал Фаррелл сказал мне: «Хотите ли вы быть фактором обновления, вносить свой вклад в обновление изнутри всего церковного опыта, привнося в него все то, чем вы являетесь? Это очень важно, потому что, если вы станете чем-то другим, это никому не будет интересно – ни вам, ни другим, и это никак не будет созидать Церковь».

Итак, от нас не требуется ничего другого, кроме как быть до конца самими собой, все больше, все с бóльшим сознанием привнося нашу самобытность в жизнь всей Церкви. Вот чему Церковь призывает нас сегодня сказать да. Именно об этом отец Джуссани написал нам после знаменательной встречи папы с движениями: «Благодарю вас, друзья! То, что случилось в субботу, 30 мая, случилось потому, что вы есть, есть и вы, *вместе*. Созидать можно лишь вместе. Действительно, Бог там, где есть единство. Для меня субботняя встреча с Иоанном Павлом II – величайший день в нашей истории, ставший возможным благодаря признанию папы. Это был „крик“, который Бог дал нам как свидетельство о единстве, о единстве всей Церкви. По крайней мере, я воспринял его так: мы одно. Я сказал об этом Кьяре и Кико (Кьяра Любич и Кико Аргуэльо, основатели движений «Фоколяры» и «Неокатехуменальный путь». – *Примеч. перев.*), сидевшим рядом со мной на площади Святого Петра: как в подобные моменты не кричать о нашем единстве? И впервые я так остро ощутил, что мы существуем *ради* Церкви, мы фактор, сози-

дающий Церковь. Я почувствовал, что взят в длани, заключен в персты Бога, Христа, формирующие историю. В последнее время я начал по-настоящему понимать (и в субботу понял еще больше) ответственность, к которой призвал меня Бог. Я не понимал, но в субботу мне стало ясно. Ответственность эта является таковой, если передается другим именно как ответственность. Она истинна, когда служит всей Церкви, а значит, и всему Движению, когда является послушанием тому, о чем говорит святой Павел: „Никто из нас не живет для себя, и никто не умирает для себя; а живем ли – для Господа живем; умираем ли – для Господа умираем; и потому, живем ли или умираем, – всегда Господни“ (Рим. 14:7–8). Сам Бог действует в наших делах: „Бог всё во всем“. Мы несем ответственность за единство, вплоть до того, чтобы ценить даже мельчайшую крупицу добра в другом человеке»³.

Я здесь с вами сегодня ради этого. Отец Мауро Джузеппе Лепори, генеральный настоятель ордена цистерцианцев, согласился (и за это мы ему благодарны) быть с нами здесь сегодня по той же причине.

«Христос – жизнь жизни» – так звучит тема упражнений. Я бы назвал ее провиденциальной: действительно, благодаря чему может возродиться наш энтузиазм в отношении охватившей нас истории, откуда возьмется «да», которое мы призваны говорить, если не от взгляда, вновь обращенного к лику Христа, если не от обновленного изумления, с которого все началось, с которого началась вся наша история, от изумления одного человека, отца Луиджи Джуссани, перед плотью, перед лицом другого человека – Человека Иисуса из Назарета?

Добавлю последний и, возможно, самый важный ответ на вопрос, заданный в моем вступительном слове: почему я здесь, почему мы здесь? Я здесь ради Тебя, о Христе, Жизнь жизни. Мы здесь ради Тебя, мы здесь, чтобы узнать Тебя больше, чтобы вновь признать Тебя. Давайте же будем готовыми слушать, следуя за тем, кто впереди нас на пути.

---

³L. Giussani. *Lettera alla Fraternità*. Milano 3 giugno 1998. // *L'opera del movimento. La Fraternità di Comunione e Liberazione*. Cinisello Balsamo-Mi: San Paolo, 2011. P. 271–272.

■ ВВЕДЕНИЕ

Мауро Джузеппе Лепори

«Одно только нужно»

Молчание означает слушание

«Следовать за Христом, любить Христа во всем: нужно признать, что это главная характеристика нашего пути»⁴.

Слова отца Джуссани из письма, которое он написал двадцать лет назад, с волнением отвечая на письмо Иоанна Павла II по случаю двадцатой годовщины Братства, сразу же прозвучали для меня как простейшее и всеобъемлющее описание сознания, вместе пробудить которое нас призывают упражнения. Вместе! Упражнения не монолог, даже если их читает монах. Более того, монах должен смиренно напоминать о желании молчания, о позиции молчания, смиренно напоминать о сознании, что молчание означает слушание: нужно открыть, как говорит святой Бенедикт в предисловии к своему Уставу, «ухо сердца»: «Слушай сын, уроки учителя и преклони к нему ухо сердца твоего; с любовью прими увещания любящего отца и исполни их делом [то есть переживи на опыте], да трудолюбным послушанием возвратишься к Тому, от Кого отступил леностным непослушанием»⁵.

Послушание не заключается в первую очередь в некоем делании. Послушание – это прежде всего слушание, которое становится деланием в той мере, в какой оно переживается как внимательная и преданная открытость сердца, «приклоненного», говорит здесь святой Бенедикт, подобно нищему, просящему о том, что ему необходимо для жизни. Если молчание, слушающее, желающее получить жизнь от Другого, проникает в жизнь, находит место в жизни, во времени, в делах, в заботах, в радостях и скорбях жизни, всей жизни, если молчание хотя бы немного проникает в жизнь, оно становится главной дорогой, ведущей всю жизнь вглубь молчания, вглубь слушания, и жизнь приклоняется, склоняется в просьбе о жизни и в принятии жизни. Об этом говорят прекрасные строки Клементе Реборы: «Моя

⁴L. Giussani. *Lettera alla Fraternità*. Milano 22 febbraio 2002 // *L'opera del movimento. La Fraternità di Comunione e Liberazione*. P. 10.

⁵*Устав святого Бенедикта*. Предисловие, 1–2.

песнь – чувство, / Которое после тяжелого дня / Утомило ночные часы / И просило жизни»⁶.

Однако молчание, требующееся от нас в эти дни, не должно утомлять. Напротив, оно должно дарить отдых от беспорядка, от тревожных поисков, от удушающих претензий, которыми мы заглушаем чистоту глубокого и истинного желания сердца, желания простого, желания, свойственного детям, желания, которое не отравляет претензиями в отношении самих себя, других, Церкви, в отношении тех, кто является ответственным и кто не является, которое не отравляет нашими претензиями истинную нужду, заключенную внутри нас, истинную нужду всех людей во всех ситуациях, в каких разворачиваются жизнь и история, включая историю Братства, монашеских орденов, как мой, и любых других церковных реалий.

Поэтому прежде всего давайте просить у Богородицы об этом подлинном молчании, о подлинном желании, ведь ее сердце было свободно от всякого пятна греха, от всех страстей первородного греха, то есть от жажды самодостаточного обладания смыслом и полнотой жизни, изолированного, когда ты скорее хватаешь, чем принимаешь. Сердце Марии всегда и во всем жило таким желанием. Для нее естественно было просить обо всем, просить даже без слов, потому что просьба, желание жизни были непрерывным биением ее непорочного сердца. Для нас это не так. Нам необходимо хотя бы на мгновение осознать, что это не так. Признать на миг, что молчания, которое слушает с сердечным желанием, в нас нет, оно слишком рассеянно, слишком напитано другими вещами, слишком оглушено разными шумами. Однако, чтобы создать в нас молчание, полное просьбы, мольбы, на самом деле достаточно и мгновенного осознания нашей рассеянности, нашей поверхностности, это должно быть мгновение боли, растерянности, смирения, как когда Марфа услышала упрек Иисуса в том, что в ней было слишком много шума, слишком много суеты, слишком много претензий, она «уже слишком хорошо знала», что нужно. Вот суть проблемы! Нам не хватает молчания, слушания, желания, если в нас господствует *самонадеянная уверенность в том, что мы уже знаем, в чем нуждаемся*, самонадеянная уверенность, что мы уже живем тем, в чем нуждаемся, чего нам достаточно, чего достаточно мне и всем, или, может, мне без всех остальных, или всем без меня.

⁶C. Rebora. LXXII. Son l'aratro per solcare I // *Le poesie*. Milano: Garzanti, 1988. P. 123.

Прислушиваться к единственной нужде

Пребывать в молчании не значит поставить жизнь на перезагрузку. Так на самом деле никогда не происходит. Если в конце времен Христос спросит у нас, что мы сделали или чего не сделали одному из наименьших Его братьев, если и все волосы на голове нашей сочтены, если даже один поданный стакан воды не будет забыт на небесах, если на суд предстанет каждое слово, которое мы произносим, то мы не можем пребывать в молчании, забывая о жизни. А жизнь, даже полная тревог и беспорядка, вступает в молчание, когда прислушивается к тому, что необходимо, когда позволяет, чтобы ей говорили, как было сказано в тот день Марфе, что «одно только нужно», что есть «благая часть», которая никогда не отнимется: «Марфа! Марфа! ты заботишься и суетишься о многом, а одно только нужно [одно только необходимо]; Мария же избрала благую часть, которая не отнимется у нее»⁷.

Мы должны хотя бы на уровне намерения, на уровне желания переживать молчание этих дней, подобно Марфе. После призыва Иисуса она больше ничего не сказала, пораженная и раненная Его словами и в таком состоянии она вернулась к очагу, к еде, которую готовила, к тарелкам, которые ставила на стол, к тому, чтобы служить гостям, пришедшим с Иисусом и наводнившим ее дом. Она не вернулась к делам, как побитый пес. Иисус никого не побивает. Иисус возвещает, Иисус воспитывает, Иисус открывает Самого Себя, и, открывая Самого Себя, Он и нам открывает нас самих. Марфа, несомненно, вернулась на кухню раненой, но сразу же почувствовала, что эта рана шла ей на пользу: она вскрывала нарыв, изгоняла инфекцию, отравлявшую ее сердце, жизнь, отношения, в том числе и отношение с Богом, с Иисусом, их великим Другом. Что-то в ней было неправильно, что-то было не в порядке, и в результате она рассердилась даже на Иисуса, чего никогда не хотела, чего никогда бы и представить не могла до того вечера, до той сцены.

Давайте искать, давайте впустим в себя молчание Марфы, слушание Марфы, «благую часть», которую в тот вечер избрала и она: возможно, сначала с грустью, возможно, сначала с желанием кричать еще громче, чем раньше, с желанием уйти, хлопнув дверью. Она же молчит. И позволяет слову Иисуса работать в ней, возделывать ее изнутри, подобно пахарю, чтобы почва сердца стала плодородной, способной принять семя, способной принести плод.

---

⁷ Лк. 10:41–42.

Мы нуждаемся в молчании Марфы, и не только каждый лично, но и как община, как Братство, как Церковь. Мы нуждаемся в нем, чтобы наша жизнь и жизнь нашей общины, жизнь Церкви стала плодородной, изобилующей тем, что Христос говорит, чего Христос хочет, чем Христос, Слово Божие, является. Мы нуждаемся в молчании Марфы, чтобы по-настоящему принять присутствие Христа, достигшего нас настолько, что Он сидит у нас дома и говорит, Он здесь и ждет ужина с нами, ждет, когда разделит с нами еду, которую мы готовим для Него, достигшего нас настолько, что потом Он остается у нас ночевать, потому что Ему нужно отдохнуть. И Он нам друг, Он так нас любит, так ценит нашу компанию, что выбирает наш дом, нашу жизнь, наше сердце, чтобы отдохнуть во время Своей миссии по спасению всего мира, в Его исходе от Отца и возвращении к Отцу через вочеловечивание ради спасения всего человечества! Он приходит отдохнуть в мой дом! Понимаете, о каких великих вещах идет речь?! О каких невероятных вещах мы говорим?!

Обитель дружбы со Христом

В латинском гимне, воспоминающем святую Марфу, есть одна строфа, которая всегда находит во мне отклик. По сути, это молитва к святой о том, чтобы она поделилась с нами своей дружбой со Христом: «*Magistri felix hospita, / corda fac nostra fervent, / ut illi gratæ jugiter / sint sedes amicitiaë*» – «О блаженная гостеприимца Учителя, / соделай, чтобы наши сердца пылали, / да будут они непрестанно / обителью благодарной дружбы!»⁸

Сын Божий, воплотившись, пришел призвать наши сердца, чтобы они были для него *sedes amicitiaë* – обителью дружбы. И это происходит не только в сердце Марии, Матери Его, но и в любом человеческом сердце, которого достигли Его присутствие и Его любовь, даже в сердце грешников, таких, как Закхей: Иисус позвал его, чтобы тот принял Его у себя дома, а на самом деле – принял Его в своем сердце, в сердце, которое по приходе Христа сначала исполняется радости, потом – раскаяния и, наконец, – любви дарующей, не только дарующей блага бедным и им же, Закхеем, ограбленным, но и признательной любви к Тому, Кто пришел именно к нему, в его собственный дом, чтобы «взыскать и спасти погибшее»⁹.

⁸ *Монашеский бревиарий*. 29 июля, память святых Марфы, Марии и Лазаря. Гимн вечерней молитвы.

⁹ Лк. 19:10.

Мы нуждаемся в молчании Марфы, чтобы пережить такой опыт, или, точнее, такую благодать, событие Бога, грядущего, дабы соделать из нашей жизни обитель Своей дружбы. Мы должны пребывать в молчании, чтобы слушать присутствие Учителя, предложенное нам.

Суть проблемы

О чем же говорит нам Христос? Надеюсь, мы услышим в ближайшие дни, надеюсь и прошу об этом для себя и для вас, как, надеюсь, и вы просите об этом для меня и для всех вас. Сегодня, мысленно вернувшись к эпизоду с Марфой, подумаем о словах, над которыми она размышляла в молчании, которые наполнили ее молчанием и которые наполнили ее молчание: «Марфа! Марфа! ты заботишься и суетишься о многом, а одно только нужно; Мария же избрала благу часть, которая не отнимется у нее»¹⁰.

Возможно, как я уже говорил, поначалу она размышляла над этими словами, делая упор на упрек, который в них уловила: «Марфа, угомонись, ты слишком суетишься из-за многих вещей, не тревожь твою сестру, поучись у отношения твоей сестры со Мной, ты всегда думаешь, что ты лучшая, ты думаешь, что должна быть лучшей, самой незаменимой...» Возможно, поначалу она обдумывала Его слова с обидой и печалью. Однако это только подтверждало суждение Иисуса: ее беспокойство росло. Заикленность на этих вещах делала ее все более беспокойной и суетливой.

То же верно и для нас. Когда нас достигает суждение, взгляд, открывающий нам, что мы занимаем в жизни неподобающую позицию, суждение, исправляющее нас и в первый момент часто нам неясное, вполне нормально, что рана причиняет нам боль, и мы, вероятно, расцарапываем ее. Это как когда нам делают инъекцию, прививку. Остается ранка, боль в плече, некий симптом, но не в этом цель инъекции, смысл укола не в отверстии на нашей коже и не в образующемся синяке. Что привил Иисус Марфе, ранив ее поверхностно, ранив ее самолюбие? Какое благо могла постепенно ощутить Марфа после этого укола, ранившего ее? Какие слова могли со временем успокоить, утешить ее и постепенно сделать ее счастливее, дать ей новую радость, исходившую не от нее, а от слов Иисуса?

Если из сказанного Иисусом Марфе мы уберем слова о ней или о ее сестре, что останется? Останется суть: «одно лишь необходимо», «одно лишь нужно»¹¹.

---

¹⁰ Лк. 10:41–42.

¹¹ Лк. 10:42.

Иисусу важно было, чтобы именно эти слова проникли в нее, чтобы о них она размышляла, в них вживалась, чтобы они могли пойти ей на пользу, принести пользу ее жизни, исцелить ее, спасти ее, собрать воедино разьединенное. Смысл этих слов не в легкой психологической, духовной гигиене, это не призыв навести в жизни чуть больше порядка, начиная с того, чтобы приструнить свой непростой характер. Смысл этих слов – Сам Христос, смысл Христа для Марфы, дар Христа для Марфы, и Он поделился этим даром еще до того, как Марфа заметила. Смысл этих слов в том, что *лишь Иисус отвечает на основополагающее желание сердца и жизни*: желание единства, желание обрести смысл, соединяющий все, соединяющий всех нас, спасающий общение; желание единства, обнимающего всех и вся и позволяющего нам ощутить себя обнятыми всеми и всем, обнятыми Всем во всё и во всех, то есть Богом, Который есть Отец, Который есть Христос; Христос же есть воплощенное Отчее милосердие, а значит, и воплощенное объятие благого Отца, Того, Кто с бесконечной радостью принимает обратно блудного сына, вернувшегося к Нему.

Сокровище, которое мы уже разделяем друг с другом

«Одно лишь нужно», «лишь в одном ты нуждаешься».

Иисус, как я уже говорил, предлагает Марфе эти слова, вновь всецело обращающие ее к единственному необходимому – к Самому Иисусу как дару, уже присутствующему и разделенному с другими, как дару, который Он дает всем. Ее сестра Мария уже принимает его, а возможно, и ее брат Лазарь, и ученики, пришедшие с Ним и наводнившие ее дом. Этот дар уже разделен со всеми теми, кто, начиная с Девы Марии вплоть до Марфы, получили и приняли его. Он уже разделен с Иоанном Крестителем, Елисаветой, Иосифом, вифлеемскими пастухами, Симеоном и Анной, волхвами и с некоторых пор – с Андреем и Иоанном, Петром, Филиппом, Нафанаилом, Матфеем мытарем, а затем – с Марией Магдалиной и другими женщинами, следовавшими за Господом и служившими Ему. Но не только. Он уже был разделен со множеством людей: с фарисеями и мытарями, с блудницами, со всякого рода больными и с бесноватыми. Он уже разделен с детьми, взбиравшимися Иисусу на колени. Был уже целый народ, разделявший единственное необходимое, то, что Иисус теперь предлагал Марфе.

А мы, а ты, а я? Когда эти слова достигают нас, когда они достигли и продолжают достигать нас вновь и вновь, оставаясь всегда новы-

ми, подумайте, с каким необъятным народом мы уже его разделяем. Две тысячи лет христианства, святых и грешников, святых грешников. Но вопрос не в цифрах... Достаточно двух-трех людей, которые вдруг понимают, что они разделяют друг с другом Христа как единственный, всеохватный и универсальный ответ на потребность человеческого сердца, чтобы исполнить нас изумления, изумления от того, как это сознание появляется у нас, появляется у каждого из нас, у меня! И уж конечно, мы не заслуживаем его больше чем миллиарды других людей, с которыми это еще не произошло. Какое изумление и какая ответственность! Какая благодарность и какое сокрушенное смирение! Ведь если у тебя дома ест и пьет, сидит прямо там, где ты и твои братья ежедневно сидите и разговариваете, если у тебя дома оказывается единственная Реальность, единственное Присутствие, в котором нуждается каждое человеческое сердце, в котором в этот самый момент нуждаются восемь миллиардов сердец, бьющихся на земле... как тут не ощутить головокружительную ответственность?! Ты в каком-то смысле становишься должником всего человечества, потому что тебе безвозмездно было даровано то, чего все – все без исключения! – ожидают.

Обнять Христа сейчас

Однако сейчас мы не должны об этом думать. То есть мы не должны сейчас думать, к кому устремлена эта Реальность. Сейчас мы должны думать о самой Реальности, поскольку она здесь, и если я ее не принимаю, если я сам не открываюсь, то бессмысленно тревожиться за вселенскую нужду, которая ожидает ее. Старец Симеон сразу же признал, что тот Младенец был «спасением для всех народов... светом к просвещению язычников»¹², но он это сделал, взяв Младенца на руки, прижав Его к себе.

Итак, мы должны понять, помочь друг другу понять, как слова, обращенные к Марфе, спасают нас сейчас, каждого из нас сейчас, в ситуации, в которой находится сегодня, в этот момент, жизнь каждого из нас, жизнь наших общин, Братства, монашеских орденов, Церкви и мира.

Поставим себя на место Марфы в тот день, в тот вечер. Подумаем, как она вернулась к очагу, где готовила еду. Подумаем, как необходимо ей было уединиться с теми словами, ранившими ее. Сначала, вероятно, ей нужно было остудить гнев от того, что Иисус не услышал, не понял ее.

---

¹² Ср. *Лк.* 2,30–32.

Было в ней по крайней мере такое впечатление, поверхностное, психологическое, сентиментальное, охватившее ее на мгновение и наполнившее грустью. Раньше – говорил я – она хотя бы могла выплеснуть его на словах, и это позволяло ей выпустить пар, освобождало от дурного настроения, и ей становилось лучше. Потом она возвращалась к своим делам, прекрасно зная, что такая разрядка ничего не меняла, что сестра или другой человек продолжили бы в том же духе, как всегда. Но по крайней мере она выпускала пар, она могла сказать себе, что высказала, все что думала, пусть и не всегда она думала то, что говорила...

В этот раз Иисус словно обратил вспышку внутрь ее. Она словно «ушла под землю» и, вместо того чтобы рассеять осколки и излучение в радиусе тысячи километров, атомная энергия охватила все подземные тайники в недрах ее человечности.

На самом деле Марфа стала замечать, что слова Иисуса открывали ей саму себя. Не с поверхностной стороны, не как человека беспокойного, стремящегося всегда показывать себя в лучшем свете и быть на первых ролях в любых обстоятельствах, затмевая всех участников ситуаций, в которых ей приходилось жить. Это она и так знала, и наверняка ее сестра и ее брат тысячу раз ей об этом говорили. Нет, слова Иисуса открывали ей ее сердце, совсем другое, которое было гораздо глубже ее поверхностной психологии, ее характера и нрава. Кроме того, она знала, что Иисусу нравился ее нрав, Иисус на ее нрав всегда смотрел с симпатией и, возможно, подшучивал над ним, а она делала обиженный вид, но сама была в восторге от того, что Господь подтрунивает над ней, поскольку она чувствовала Его любовь, чувствовала себя понятой, обнятой. Иначе Иисус не посещал бы так часто и так охотно их дом, где Марфа играла столь важную роль, что Евангелие говорит, что не Лазарь и не Мария принимали Иисуса, а именно она¹³.

Однако слова Иисуса («Марфа, Марфа... одно лишь нужно») не были шуткой или легким проявлением нетерпения к ее беспокойству. Эти слова открывали ей ее сердце, обнажали его в его глубинной, сущностной, всеобъемлющей нужде, они открывали ей, что она обходила эту глубинную, сущностную и всеобъемлющую нужду стороной, не обращала на нее внимания. Или точнее, она заглушала ее делами, заботами, деятельностью, суждениями, страхами, раздражительностью, предубеждениями, антипатией, как и мы!

---

¹³ Ср. *Лк* 10:38.

Сердце есть нужда во Христе

Что такое сердце? Когда Иисус говорит: «Лишь одно необходимо», – мы должны понимать, что слово «необходимо» переводит греческий термин, который означает «нужду», «лишение», «нехватку». Не случайно в новом переводе говорится: «Лишь одна есть нужда». Мы, утверждая, что необходимо лишь одно, думаем о ценности этого единственного и о том, что важно, порой даже жизненно важно им обладать. Часто, однако, мы не думаем, что необходимость в этом определяется нашей нуждой, нехваткой, которую мы испытываем или которой являемся. Всецелая необходимость во Христе имеет для нас таинственное «определение», которое заключено в нас, которое есть мы, наше сердце, наше сердце, нуждающееся в Нем, наше сердце, нуждающееся только в Нем, которому недостает только Его. Не осознавая самих себя как нужду, мы не можем истинным образом принять дар Христа, встречу, в которой Он открывает, что Он для нас, как для Марфы, Единственный, Кто нужен сердцу, Единственный, в Ком мы действительно нуждаемся, нуждой в Ком мы являемся.

Как тут не процитировать великие строки Марио Луци, над которыми мы размышляли на Митинге в Римини в 2015 году: «Чего тебе не хватает, / сердце, / что ты вдруг нехваткой / полно?»¹⁴.

Марфа в тот вечер пережила именно такой опыт, она ощутила, как ее наполнил этот вопрос, который сердце задает самому себе. Наше сердце – вопрос, заданный самим себе, вопрос, наполняющий нас изумлением, выражающимся прежде всего в вопрошании, в нехватке. «Как же так? – говорим мы нашему сердцу. – Я даю тебе все, наполняю тебя многими вещами, многими страстями, многими тревогами, многой суетой и самонадеянностью, многими суждениями и предубеждениями, многими гениальными идеями и многими глупостями... Как ты можешь нуждаться в чем-то еще, как что-то еще может наполнить тебя? Как ты можешь наполниться отсутствием, нехваткой, нуждой, столь сильной, столь могущественной, что все остальное вдруг уходит в тень?! Словно все остальное было лишь видимостью, призраком, миражом, сором, тленом. А ведь все остальное казалось мне таким важным! Как получается, что внезапно, словно удар меча, тебя наполняет желание другого?!»

В ожидании начала нашей встречи мы слушали Божественную литургию святого Иоанна Златоуста Рахманинова. В комментарии, подготов-

¹⁴ M. Luzzi. *Di che è mancanza... // Sotto specie umana*. Milano: Garzanti, 1999. P. 190. См. также: M.-G. Lepori. *Si vive solo per morire?* Siena: Cantagalli, 2016. P. 117–143.

ленном для серии дисков *Spirto gentil*, отец Джуссани подчеркивает фрагмент, в котором целых восемь минут повторяется «Господи, помилуй!», и пишет: «Почему, брат Рахманинов, ты заставляешь нас на протяжении восьми минут повторять „Господи, помилуй“? Потому что наше время не имело смысла, не имело смысла, который могло иметь, оно утратило смысл, который могло иметь, оно утратило всеобъемлющий смысл, называемый Судьбой, оно полностью „потеряло память“. Судьба не была присутствием, сформировавшим что-либо, она ни на что не повлияла, и все в нас произошло от инстинктивности, от лени, не дававшей нам двигаться, от раздражения или обиды, которые пробивают дно и позволяют гневу излиться вглубь нас, образуя горький омут, и по нему понятно, что в тебе есть гнев, даже когда он не очевиден и не выражен»¹⁵.

Мне кажется, именно до такого сознания дошла Марфа в тот вечер. Именно тогда Судьба достигла ее, достигла глубин ее сердца, «горького омота» ее сердца, пронизанного раздражением, обидой, гневом.

Встреча, выявляющая желание

Этот вопрос сердца к себе самому, это сознание, что сердце есть просьба о Христе, что сердце есть рана, которую только Христос может успокоить и исцелить, не возникли у Марфы ни с того ни с сего, внезапно, словно ничего не случилось. Такое сознание родилось в ней, потому что в тот вечер она встретила Иисуса. Вероятно, она знала Его уже давно, вероятно, она принимала Его у себя дома не раз, вероятно, она слышала о Нем – наверное, от сестры, которая, скорее всего, встретила с Ним раньше нее и, не исключено, была той грешницей, что омыла ноги Иисуса своими слезами и получила прощение грехов, ибо возлюбила много¹⁶. Она Его знала, они виделись, они ценили друг друга, но Марфа до сих еще не *встретила* Иисуса.

Об этом отец Джуссани говорит в отрывке, подсказавшем название наших упражнений (см. «Отдать жизнь ради дела Другого»): «Христос – имя, обозначающее и определяющее реальность, с которой я встретился в жизни. Встретился: я слышал о ней в детстве, в юности и т. д. Бывает, что человек взрослеет и это слово у него на слуху, но

¹⁵ L. Giussani. *Perché la vostra gioia sia piena // Spirto gentil. Un invito all'ascolto della grande musica guidati da Luigi Giussani* / A cura di Sandro Chierici e Silvia Giampaolo. Milano: Bur, 2011. P. 361–362.

¹⁶ Ср. Лк. 7:36–50.

многие люди не встречаются с ним, не переживают на опыте как нечто присутствующее в настоящем. Христос же столкнулся с моей жизнью, моя жизнь столкнулась со Христом, чтобы я научился понимать, что Он средоточие всего, всей моей жизни. *Христос – жизнь моей жизни*. В Нем воплощается все, чего бы я хотел, все, чего я ищущу, все, чем жертвую, все, что во мне прорастает из любви к людям, с которыми Он меня свел»¹⁷.

Для Марфы в тот день, в тот вечер произошла встреча со Христом, встреча как событие. Евангелие, описывая диалог между Марфой и Иисусом, отмечает скачок сознания, определяющий подлинную встречу с Иисусом Христом. Встреча со Христом, меняющая всю жизнь, происходит, когда мужчина, женщина оказываются перед Ним такими, какие они есть, со всей определяющей их человечностью, в добре и зле, и неважно, чего больше, добра или зла, неважно даже, если есть только зло, важно, что человек, как он есть, оказывается перед Ним, в Его присутствии. Можно быть чистейшим, как Дева Мария, или подлецом, как Закхей или благоразумный разбойник, можно вести беспорядочную жизнь, как самарянка, или быть грубым человеком с золотым сердцем, как Петр, или тонким религиозным интеллектуалом, как Никодим, или фанатичным и суровым фарисеем, как Павел... Неважно! Встреча происходит, когда мужчина, женщина, какие они есть, оказываются перед Ним и в тот момент Иисусу удается вложить в сердце этих людей, пусть даже шепотом, пусть даже одним лишь взглядом, великую весть, которой ждет вся жизнь: «Лишь Я тебе необходим. Лишь во Мне ты нуждаешься! Я та полнота, которой жаждет твое нуждающееся сердце!»

И тогда поистине «*abyssus abyssum invocat*» – «бездна бездну призывает», как говорится в сорок первом псалме¹⁸, бездна милосердия Божия призывает в ответ бездну ничтожности, которой является сердце человека.

В тот день Марфа пережила встречу со Христом, потому что в тот день ее сердце одновременно пронзили осознание собственной суетности, пустоты и удивление от того, что полнота этой пустоты была в Иисусе, была дарована Им.

Каждый из нас и все мы вместе должны отталкиваться от этого, должны принять сегодня слова Иисуса, обращенные к Марфе, или взгляд

---

¹⁷Л. Джуссани. *Ты, или О дружбе*. Братство «Общения и освобождения», 2022 (<https://ru.clonline.org/detail.asp?c=5&p=0&id=1320>). С. 26). Из книги «Отдать жизнь ради дела Другого», готовящейся к публикации.

¹⁸Пс. 41:8.

Иисуса, обращенный к Петру. Это одно и то же, ведь речь всегда идет лишь об одном: о событии встречи, которая происходит, чтобы вновь и вновь утверждаться как единственное, в чем нуждается человеческое сердце – наше сердце и сердце любого человека. Желаю вам заново пережить в вашей жизни, в вашем сердце, в самосознании вашего «я», в молчании, которого вам – плохо ли или хорошо – удастся достичь, желаю вам во всем этом заново пережить диалог между Марфой и Иисусом, описанный в Евангелии от Луки (Лк. 10:38–42). Предлагаю вам пожаловаться Иисусу на все, на что хотелось бы пожаловаться: на вас самих, на тех, кто рядом, на мужа, жену, детей, на работу, на здоровье, на общину, на Братство, на Движение, на Церковь, на целый мир... А потом предлагаю вам позволить Иисусу посмотреть на вас и сказать вам (какими угодно словами, словами, которыми Он однажды встретил вас), что ваше сердце нуждается лишь в одном: в Его присутствии. Позволим Ему позвать нас по имени, как Он позвал Марфу, Авраама, Моисея или Савла из Тарса, позвать нас по имени дважды, чтобы мы заметили то внимание, с которым Христос смотрит именно на нас, на меня лично, с которым Он зовет нас. Также предлагаю вам заметить то, что происходит в вас и в вашем отношении со всем, на что вы жаловались, порой даже справедливо. Иначе говоря, предлагаю вам открыть или открыт заново, как меняется жизнь – вся жизнь – в свете Его взгляда и благодатного осознания того факта, что наше сердце нуждается лишь в Нем.

Завтра мы начнем именно с этого, чтобы вместе вернуться на путь следования за Ним, обновив сознание о полноте человечности, к которой Христос желает нас привести.

Сейчас вместе прочитаем молитву *Memorare*.

Суббота, 30 апреля, утро

На входе и выходе:

Иоганн Себастьян Бах. Credo. Месса си минор, BWV 232

Карл Рихтер – Мюнхенский Баховский хор и оркестр

(Archiv Produktion) Universal

Ангел Господень

Утренняя

■ ПЕРВОЕ РАЗМЫШЛЕНИЕ

Мауро Джузеппе Лепори

Родиться во встрече, расти в следовании

«Христос столкнулся с моей жизнью, моя жизнь столкнулась со Христом, чтобы я научился понимать, что Он средоточие всего, всей моей жизни. *Христос – жизнь моей жизни*. В Нем воплощается все, чего бы я хотел, все, чего я ищу, все, чем жертвую, все, что во мне прорастает из любви к людям, с которыми Он меня свел. <...> Христос, жизнь жизни, уверенность в благой судьбе и Спутник в повседневной жизни, Спутник знакомый и все преображающий в добро: такова Его действенность в моей жизни»¹⁹, – говорил отец Джуссани.

Встреча есть рождение

В вечер моей встречи со Христом, 25 февраля 1976 года, когда я вошел в дом семьи фриульских иммигрантов из «Общения и освобождения» в моем родном городе недалеко от Лугано (он плотник, как святой Иосиф, его жена, которая всего три года спустя ушла на небеса, женщина, исполненная веры и радости во Христе, ведущем жизнь к свершению, и трое их детей), – в тот вечер за пару часов меня сначала охватила глубочайшая печаль, а потом – радость, какой я никогда не испытывал. Как пишет отец Джуссани, я с детства слышал об Иисусе и в неполные семнадцать лет все еще оставался католиком, не имевшим особых сомнений в вопросах веры или нравственности. Однако, как говорит все тот же Джуссани, «бывает,

¹⁹ Л. Джуссани. *Ты, или О дружбе*. С. 26.

что человек взрослеет и это слово [Иисус] у него на слуху, но многие люди не встречаются с Ним, не переживают на опыте как нечто присутствующее в настоящем»²⁰.

Вот в чем проблема, настоящая проблема жизни, христианской жизни, жизни Церкви, миссии Церкви. Если мы не встретили Христа, если не пережили реальный опыт Христа в настоящем, Его словно не существует и существование Церкви лишается всякого смысла.

В тот вечер, в том доме, с теми людьми вся моя жизнь обрела смысл, вся моя вера, моя католическая семья, приход, приходские священники, катехизаторы, скауты – одним словом, вся Церковь, которой я принадлежал с рождения. И все разворачивалось по сути между моим сердцем, совершенно точно неудовлетворенным, но мало сознававшим природу его неудовлетворенности (Марфа тоже чувствовала неудовлетворенность, когда жаловалась на сестру и на дела, которыми она должна была заниматься в одиночку!), все разворачивалось между моим неудовлетворенным сердцем и очевидностью Присутствия, говорившего и мне: «Мауро, Мауро, пойми: ты нуждаешься лишь во Мне! И Я тут, весь для тебя, чтобы наполнить твое сердце настолько, что оно распадется в радости, какою ты и представить себе не мог».

Встреча со Христом, действительно присутствующим в настоящем, есть рождение, роды. Вот почему (хотя понимание пришло ко мне годы спустя, когда я писал об этом отцу Джуссани) в тот вечер я из пучины печали перенесся ко всеохватной радости от рождения! Как говорил Иисус на Тайной вечере: «Вы печальны будете, но печаль ваша в радость будет. Женщина, когда рождает, терпит скорбь, потому что пришел час ее; но когда родит младенца, уже не помнит скорби от радости, потому что родился человек в мир»²¹.

Впоследствии человек вроде меня отречется тысячу раз, тысячу раз переживет эти роды, которые прекратятся, только когда он в день своей смерти родится для жизни вечной во Христе; но решающая встреча, тот день, тот час, навсегда останется днем его рождения, началом, которое ничто не истребит, «первой любовью», говорится в Книге Откровения²². От нее можно отвернуться, ее можно предать, но отменить ее нельзя. Она останется в жизни как суждение, призывающее к обращению, суждение полное нежности, как когда Иисус обернулся и посмотрел на Петра

---

²⁰ Там же.

²¹ Ин. 16:20–21.

²² Откр. 2:4.

во дворе первосвященника²³, и Петр увидел в том взгляде первую безмерную и вечную любовь его встречи с Иисусом. От этого он отречься не мог. Он отрекся от Иисуса в Его отсутствие, перед пытливым лицом привратницы, стражей, но он не мог отречься перед Его взглядом, то есть *перед событием любви Христовой к нему, происходившим в тот самый момент*. В том взгляде, исполненном нежности, исполненном милосердия, была сосредоточена вся реальность Петра, а точнее, вся реальность вообще. Что есть для нас вне полного любви взгляда Господа, Который желает, чтобы мы были, Который творит нас, Который призывает нас, посылает нас, прощает нас?! Если бы в тот момент Иисус отрекся от Петра, Петр бы исчез, потому что для Христа Петр существовал не только с экзистенциальной, но и с онтологической точки зрения. И в его жизни произошла встреча, родилась дружба, позволившая ему осознать на уровне существования отношение, которое творило его, дружбу, которая позволяла ему переживать свою онтологию, свое бытие в отношении.

Простите, что один-единственный раз в ходе упражнений я процитирую отрывок из моей книги «Симон, называемый Петром», где говорится как раз об этой тайне, и я не мог бы сказать о ней лучше, чем уже рассказал в тексте двадцатилетней давности, который до сих пор не знаю, как мне удалось написать.

«Петр чувствовал себя потерянным. Он дрожал и смотрел на каждого, кто подходил поближе разглядеть его, обличительно указывая на него пальцем. В отчаянии он воскликнул и поклялся: „Я не из Его учеников! Не знаете, что говорите! Я не знаю этого Человека!“

Его собирались схватить, но тут вышли сановники и стражники, а между ними – связанный Иисус. И сам того не желая, Петр в последний раз выкрикнул отречение, обращаясь не к угрюмым и грозным лицам стражников, а пристально глядя на Иисуса, Который в Свою очередь пристально глядел на него. Было уже довольно светло, и взгляд Господа достиг Симона во всей его глубине.

На мгновение (но сколько длится мгновение под взглядом Вечности?) все вокруг Петра исчезло. Стражники, служанки, двор и дворец первосвященника, огонь, холод – исчезло все. Не осталось ничего, кроме взгляда Иисуса, и в этом взгляде, в свете этого взгляда Петр вновь увидел все, что он пережил с Учителем: озеро, лодку, первый лов рыбы. Он вновь услышал все слова Господа и свои слова к Нему: „Отплыви на глубину“, „Но по слову Твоему...“, „Выйди от меня, потому что я человек грешный“, „Отныне будешь ловить человеков“, „Ты наречешься Кифа“, „Повели мне

²³ Лк. 22:61.

прийти к Тебе по воде“, „Господи, спаси меня“, „Ты Христос, Сын Бога живого“, „Блажен ты, Симон...“, „Отойди от Меня, сатана“, „Хорошо нам здесь быть“, „Для меня и для Тебя“, „Сколько раз прощать?“, „Господи, к кому нам идти?“, „Не умоешь ног моих вовек!“, „Я жизнь мою отдам за Тебя“, „Побудьте здесь и бодрствуйте со Мною“, „Симон, ты спишь?“, „Вложи меч в ножны; неужели Мне не пить чаши, которую дал Мне Отец?“, „Не пропоет петух, как ты трижды отречешься от Меня!“...

Но все эти фразы, все эти события в глазах Иисуса были не чем иным, как историей любви, и Петр, возможно, впервые понял, точнее увидел, насколько Иисус любил его, каким другом Он был ему. Слова отречения – „Я не знаю этого Человека!“ – отражались, словно эхо, в глазах Учителя, полных любви и страдания, и ложились на сердце Симона, как соль на рану. Он никогда по-настоящему не любил любовь Иисуса, и вот сейчас в собственном сердце испытал все одиночество, всю оставленность своего единственного Друга и Отца. Нет, не иудеи, не римляне ранили Иисуса в ту ночь, а он, Петр! Быть оставленным друзьями – эта рана горше ненависти врагов.

Теперь Петр и правда отдал бы жизнь за Господа. Теперь он понимал, что готов потерять все ради Него. И в этот бесконечный миг, который не кончится никогда, Симон глазами просил Иисуса умереть вместе с Ним. И в этот бесконечный миг взгляд Господа ответил ему: „Не сейчас! Позже!“ И в этот бесконечный миг Петр ничего не возразил и принял дар бессилия, дар невозможности что-либо поделать, дар неисполнимости его воли, благодать бессилия его любви. Симон, называемый Петром, принял рану не-любимого взгляда Иисуса и ощутил, как в его сердце хлынул горький источник.

Петух пропел.

Иисуса там больше не было.

Петр уже стоял снаружи, проливая по Иисусу кровь своих слез²⁴.

Мы рождаемся, чтобы расти

Как же тогда встреча, благодаря которой мы рождаемся и по отношению к которой мы внутренне незрелы, как любой рождающийся ребенок, как тогда эта встреча возрастает, позволяет нам возрастать, становиться зрелыми? Если встреча с Иисусом не позволяет нам возрастать, не ведет нас за пределы самих себя, не освобождает из скорлупы неудовлетворенности,

²⁴ M.-G. Lepori. *Simone chiamato Pietro*. Siena: Cantagalli, 2015. P. 84–86.

где наше «я» замыкается в жалобах, то какой в ней прок? Джуссани в том коротком, но невероятно насыщенном исповедании события Христа в его жизни сразу же подчеркивает, что встреча с Иисусом, открывающим Себя как жизнь нашей жизни, есть рождение, за которым, как за всяким рождением, следует *рост*, следует путь, преображение, развитие, учение: «Христос столкнулся с моей жизнью, моя жизнь столкнулась со Христом, *чтобы я научился...* <...> В Нем воплощается все, чего бы я хотел, все, чего я ищу, все, чем жертвую, все, что во мне *прорастает* из любви к людям, с которыми Он меня свел. <...> Христос, жизнь жизни, уверенность в благой судьбе и Спутник в повседневной жизни, Спутник знакомый и все *преображающий в добро*: такова Его действенность в моей жизни»²⁵.

Да, действенность Христа проявляется в нашей жизни, и весь труд обращения, следования состоит в том, чтобы дать Ему действовать, как бы позволяя Господу воссоздавать нас, формировать в нас нового и истинного Адама, для которого наша жизнь, наши отношения, наши способности и наши слабости – своего рода глина, материя, с момента Крещения вновь вложенная в руки Христа Пантократора, Господа Всемогущего, Чья действенность всеохватна и бесконечна, Того, Кто восставляет, обновляет нас.

«Се, творю все новое», – говорит Господь в двадцать первой главе Книги Откровения²⁶. Он творит новым все, начиная с нас, прежде всего с нас, с меня, с моего сердца, привлеченного Им, потому что кроме Него ему ничего больше не нужно.

Что воскресший Господь предложит Петру, в высшей степени ощутившему незрелость своего отношения со Христом, незрелость настолько тотальную, что он отрекся от Него из трусости (и это после трех лет, денно и ночью прожитых с Ним!), что предложит ему воскресший Господь, чтобы довести его до высшей степени зрелости и авторитета Петра, описанного в Деяниях апостолов, человека, который не боялся свидетельствовать о Христе на площадях, в судилищах, в темнице, в Иерусалиме, в Антиохии, в Риме, вплоть до мученичества? Что предложит Воскресший Петру, чтобы довести его до такого отождествления с Ним, что он исцелял больных своей тенью?!²⁷

Все выражено и сосредоточено в последнем разговоре Иисуса с Петром в Евангелии от Иоанна (*Ин.* 21:15–19), и весь этот разговор выражен в двух фразах Иисуса: «Любишь ли ты Меня? – Следуй за Мной!» Именно в любовном следовании за присутствующим Иисусом встреча с ним возрастает, позволяет расти нам, приносит плоды.

²⁵ Л. Джуссани. *Ты, или О дружбе*. С. 26. *Курсив наш*.

²⁶ *Откр.* 21:5.

²⁷ Ср. *Деян.* 5:15.

Вспомним строки из письма отца Джуссани от 22 февраля 2002 года, которые я цитировал вчера: «Следовать за Христом, любить Христа во всем: нужно признать, что это главная характеристика нашего пути»²⁸.

«Марфа, Марфа!»

Вернемся к примеру Марфы, который многому нас учит в том, что касается динамики обращения, устанавливаемой встречей с Тем единственным, в ком мы нуждаемся. Какой путь начался для нее в тот вечер? Какой отпечаток наложили на нее слова Христа, так что она ушла размышлять о них в молчании? Сперва, возможно, она роптала, ворчала, но после стала размышлять, потому что слова Христа заключали в себе таинственную сладость, нежность по отношению к ней, каких она никогда не испытывала.

«Марфа! Марфа! ты заботаешься и суетишься о многом, а одно только нужно»²⁹.

Иисус дважды повторяет ее имя. Какое внимание Он демонстрирует! Какое уважение! То же случилось, когда Бог позвал Авраама, чтобы попросить его принести в жертву Исаака³⁰, или когда позвал Моисея из неопалимой купины³¹, то есть в важнейшие моменты истории спасения. Или когда Христос позвал Савла из Тарса, всецело охваченного своей безумной миссией гонителя: «Савл, Савл! Что ты гонишь Меня?»³² Вот и Марфа оказалась перед Богом, Который достигает человека там, где, как ему кажется, он хозяин своей жизни, и именно там Он просит оказать Ему предпочтение. Авраам в тот момент был уверен, что его потомство принадлежит ему навеки. Моисей встретил Бога в неопалимой купине, а Савл был убежден, что совершает праведное и истинное дело, самое праведное и истинное, какое только можно совершить. И именно там, где, как тебе кажется, ты хозяин своей жизни, именно там Он просит оказать Ему предпочтение. Точнее, даже не просит от тебя предпочтения, а предлагает его тебе. И в этом предложении Бога как всего для твоей жизни, как жизни твоей жизни сразу же ощущается таинственная привлекательность. Поэтому Авраам послушен, даже когда ему сказано принести в жертву сына; Моисей снимает обувь и приближается к горящему кусту; Савл

²⁸ См. сн. 4. С. 10.

²⁹ Лк. 10:41–42.

³⁰ Быт. 22:1.

³¹ Исх. 3:4.

³² Деян. 9:4.

позволяет вести себя, как ребенок, и доверяется маленькой христианской общине Дамаска – той, которую он хотел истребить.

Для Марфы призыв прозвучал в ее повседневности, но это был тот же самый призыв. О какой ценностной разнице между призыванием Авраама и Моисея и призыванием женщины, хлопочущей на кухне, можно говорить, если призыв исходит от одного и того же Господа и Бога? Более того, я бы сказал, что для Марфы призыв этот еще более удивителен, ведь Вечность не зовет ее с небес, из горящего куста или с горы Синай, она сидит у нее дома, говорит с ней – Человек, подобный нам, пришедший усталым, в поту, с ногами в пыли, а потом Он будет есть и пить, как мы. Это удивительнее горящего куста, удивительнее горы Синай, окутанной дымом и дрожавшей, и приводит в трепет. Говоря об Иоанне Крестителе, Иисус сказал: «Меньший в Царстве Небесном больше его»³³. Мы больше, потому что Бог в Своем воплощенном Сыне делает нам гораздо более удивительное предложение, более удивительно то, *как* Он делает нам это предложение в Своем воплощенном Сыне: через плоть, через повседневность нашего человеческого существования. Кухня Марфы, а до этого комнатка или грот Девы Марии в Назарете – место, куда более священное, чем мамврийский дуб для Авраама, чем Синай для Моисея, чем Хорив для Илии, потому что никогда Бог не был настолько близок, как в Иисусе Христе. «И Слово стало плотью, и обитало с нами»³⁴: оно пришло, чтобы поставить Свой шатер среди нас, разбить шатер среди нас, чтобы встретиться с нами лицом к лицу, близко, изнутри нашей жизни, с обезоруживающей простотой предложив нам в Самом Себе все то, ради чего создано наше сердце, из чего создано сердце каждого человека в истории человечества.

Великое решение

Что же происходит, когда человек достигнут этим событием, как Марфа в тот вечер была достигнута словами Иисуса? Что он должен делать? Как должна реагировать свобода, спровоцированная и привлеченная предложением полноты со стороны Бога?

Для Марфы начался путь, следование. Вечность открыла ей, что Он есть всё не только в Самом Себе (об этом знают и язычники!), но *для нее*, именно для нее («Марфа, Марфа!»), как и для Марии и Лазаря, для Петра и других апостолов. Иисус есть всё именно для нее!

³³ Мф. 11:11.

³⁴ Ин. 1:14.

Когда Иисус открывает нам Себя как единственный, кто нам необходим, единственный, в ком мы нуждаемся, от нас прежде всего требуется решение. Потому что, если это так, если лишь в Нем одном я нуждаюсь, то я уже не могу отделиться от Него. Если это так, я не могу не проверить это. Не делая этого, не проверяя, действительно ли Он дарует мне Себя как все, в чем я нуждаюсь, и позволяет мне ощутить это с таинственным трепетом, который Его взгляд, Его голос, Его слова производят в моем сердце, не проверяя это, я предаю самого себя, предаю всю жажду счастья, истины, красоты, любви, которой мое сердце терзает меня с рождения, а возможно, и еще дольше. Без проверки всеохватности Христа для меня над всей моей жизнью нависла бы тень печали, печали богатого юноши³⁵, описанной во всех синоптических Евангелиях и особенно в десятой главе Евангелия от Марка, и тень эта обесцветила бы все, все мои блага, все, что прежде было открыто желанию полноты, а теперь лишь душит желание моего сердца, как могила, в которой я хороню себя заживо.

До встречи с Иисусом, до того, как богатый юноша сказал Ему нет, его богатства и нравственная целостность («Я исполнял все заповеди, чего мне недостает?») придавали вес его желанию вечной жизни, были словно устремлены ко Христу, кричали о собственной неспособности удовлетворить жажду сердца, и потому эти блага и добродетели подталкивали его к чему-то таинственному, что сердце предчувствовало, но чей облик был по-прежнему таинственным, поскольку он с этим еще не встретился. До того дня богатства, таланты и добродетели юноши не были закрыты, они не сдерживали, а подталкивали тягу сердца к чему-то бесконечному. А потом произошла встреча, взгляд Иисуса, полный любви к нему, и ему тоже, как Марфе, Иисус сказал (слова были другими, но суть та же): «Только Меня тебе достаточно! Только во Мне нуждается твое сердце!» Иисус просто указал юноше, что он должен оставить свои блага, таланты и добродетели не потому, что они превратились в зло, недостатки или пороки, а лишь потому, что они достигли своей цели, своего свершения во встрече со Христом. Они выполнили свою задачу: заставить его желать свершения, ведь сами по себе они не могли ни обеспечить, ни дать его. *Трагедия богатого юноши заключалась в том, что он не последовал, а не в том, что не смог оставить свое имущество. Он не последовал, не остался с Ним, не признал Его по-настоящему как то единственное, в чем он нуждался.*

Он пережил встречу, но не согласился следовать. За встречей, которая, вне всякого сомнения, состоялась (а иначе отчего ему печалиться?),

---

³⁵ Мк. 10:17–22.

не последовало – уж простите игру слов – следование. Если человек не следует за Христом, это не значит, что встреча не произошла, значит, что она не продолжилась, прервалась, не превратилась в общение с Иисусом, не переросла в близкие отношения с Ним, в дружбу, не стала путем вместе с Ним. Печаль, дурная печаль, душная наше сердце, есть разочарование сердца, которое замечает свою полноту, удовлетворение своего глубинного желания, а мы отторгаем его от них (сама по себе и такая печаль есть благо: она благая в сердце, истинная в сердце). Это как отобрать новорожденного у матери: младенец теряет желание жить, расти, вставать на жизненный путь.

Свобода словно отделяется от желания сердца. Вот подлинная драма богатого юноши и всех тех, кто, встречаясь со Христом, за Ним не следует. Не в том, что, встретив Иисуса, они не стали в ту же минуту святыми, а что не остались привязанными к Нему. Со всеми их грехами, со всеми богатствами, от которых они не в силах отказаться, они могли бы оставаться привязанными к Нему. Свобода словно отделяется от желания сердца. Сердце встречает, желает, хочет обнять... но свобода, или то, что мы принимаем за нашу свободу, по некоему бессознательному расчету, из страха, порожденного воображением, обманчивыми представлениями, говорит нет, препятствует объятию. И тогда эта ложная свобода, тюремщица самой себе, утаскивает за собой сердце-ребенка, собиравшееся обнять Иисуса, авторитарно, деспотично навязывая ему другие пути к другой полноте, которые окажутся обманом все без исключения: и пути, и полнота.

Пастыри жизни

Много лет назад, 20 февраля 1995 года, я оказался у постели умиравшего епископа Эудженио Корекко, священника, который, будучи молодым преподавателем, встретил отца Джуссани и начал «Общение и освобождение» в Швейцарии. Оказался в компании как раз таки отца Джуссани, приехавшего к нему в тот день с последним визитом³⁶. Он хотел вернуться, но монсьеор Корекко умер девять дней спустя. Епископу давали лекарства от сильных болей, и он постоянно спал, так что мы с отцом Джуссани целый час беседовали о жизни, о смерти, об ограничениях, о милосердии – обо всем. Вероятно, это был самый насыщенный час, определен-

³⁶ А. Moretti. *Eugenio Corecco: la grazia di una vita*. Siena: Cantagalli; Lugano: Eupress FTL, 2020. P. 295–296.

но это был самый насыщенный час моей жизни, проведенный в присутствии двух святых друзей и отцов, перед зрелищем их общения на грани жизни и смерти, жизни земной и жизни вечной. Когда епископ Эудженио извинился за сонливость, сказав: «Простите, сегодня мне тяжело», – отец Джуссани ответил: «Это опыт ограничения. Но ограничение покорено. Христос победил небытие!» Затем Корекко вновь задремал, и отец Джуссани, неотрывно глядя на нашего умирившего друга, сказал, что для него самой невероятной страницей Библии была первая глава Книги Премудрости и что его особенно поражала концовка, где говорится, как человек выбирает смерть, хотя Бог для него выбирает жизнь: «Бог не сотворил смерти и не радуется погибели живущих, / ибо Он создал все для бытия, и все в мире спасительно, и нет пагубного яда, нет и царства ада на земле. / Праведность бессмертна, а неправда причиняет смерть: / нечестивые привлекли ее и руками и словами, сочли ее другом и исчахли, и заключили союз с нею, ибо они достойны быть ее жребием»³⁷.

Кажется, это точный образ многих господствующих в современном мире культур, дружных со смертью, желающих смерти, словно она друг, словно она ведет жизнь к свершению. Сорок восьмой псалом выносит горькое суждение о тех, кто живет, чтобы завоевать целый мир, не прислушиваясь к истинному желанию души, сердца: «Смерть будет пасти их»³⁸.

Я тогда сказал отцу Джуссани, что мне вспомнилась одна фраза, сказанная Иисусом иудеям, фраза, исполненная печали, как когда Он плакал о Иерусалиме: «Вы не хотите прийти ко Мне, чтобы иметь жизнь»³⁹.

И в тот момент во взгляде этого пожилого отца, также ослабленно-го болезнью, но живого сердцем и духом, я увидел и понял, что такое милосердная любовь. Милосердная любовь тех двух людей передо мной и всех тех, кого я в жизни признал друзьями и пастырями жизни, а не смерти. Вселенская милосердная любовь всех пап вплоть до Франциска. Милосердная любовь пастырей, которые перед всяким человеком, перед всем человечеством, перед культурой, преследующей смерть, потому что во главе ее стоят наемники, не заботящиеся об овцах, не опускают руки, не поддаются соблазну смерти, не соглашаются, как говорится в Книге Премудрости, принять ее в друзья. Такие пастыри, такие отцы, такие матери скорее умрут, чем откажутся быть пастырями жизни, пастырями, ведущими к жизни, ведущими ко Христу, чтобы все обрели

³⁷ Прем. 1:13–16.

³⁸ Пс. 48:15.

³⁹ Ин. 5:40.

жизнь в Нем, обрели с избытком. «Я пришел для того, чтобы имели жизнь и имели с избытком», – говорит Добрый Пастырь в Евангелии от Иоанна (Ин. 10:10).

Великая драма человечества

Такова великая драма человечества, в рамках которой и мы, мы первые и мы ради других, призваны сознательно решать: как недостойные, но реальные протагонисты любви к человеку, пламенной любви к человеку, какой любит только Христос. Великая драма состоит в том, что Жизнь есть, она пришла, она здесь, мы можем с ней встретиться, но можем и решить не идти к ней, можем не решить пойти к ней, можем не следовать за ней, не принимать ее предложение, хотя сердце и понимает его привлекательность, понимает, что нужна лишь она.

Итак, жизненно важный выбор для всех людей, независимо от положения или призвания, жизненно важный выбор – это выбор между жизнью со Христом или без Него, между жизнью в следовании за Христом и жизнью в стороне от Него.

Этот жизненно важный выбор не присущ какому-то «особенному призванию», как иногда говорят. Речь об *основополагающем христианском решении*, выборе, к которому каждый крещеный призван тысячью, миллиардом разных способов – по количеству существующих мужчин и женщин, ведь речь идет о Самом Христе, о том, кем Христос является Сам по Себе и для нас. Решение это принимается перед лицом бытия, Бытия в высшем смысле, перед лицом «**Я есмь**», явившего Себя Моисею на горе Синай, но, как я уже говорил, ставшего повседневным присутствием во Христе, идущем сказать нам: «**Я с вами** во все дни [а значит, и сегодня, 30 апреля 2022 года, здесь и везде, где каждый из вас находится] до скончания века!»⁴⁰ Поразительно, что Евангелие от Матфея заканчивается так, такими словами: значит, Евангелие не заканчивается никогда, продолжается во все дни, до скончания века!

Но то, чем Иисус является Сам по Себе, «**Я есмь**» Иисуса Христа через Его вочеловечение, через человеческую жизнь, через смерть на кресте и воскресение из мертвых *становится целиком и полностью для нас*, для нашего спасения, для того, чтобы Он дал Себя нам как Тот, в Ком мы безгранично нуждаемся, как Тот, Кто отвечает на всю нужду нашего сердца, нашей жизни, наших отношений, нашей работы, блюд, которые

⁴⁰ Мф. 28:20.

мы готовим, подобно Марфе, ночи, которую мы с товарищами напрасно проводим в попытках поймать рыбу, подобно Петру... Христос дарует нам Себя как Тот единственный, Кто отвечает на всю нужду всей нашей человечности.

Встреча со Христом дарует и предлагает нам это – всё. И потому свобода оказывается перед выбором Христа, Который не ограничивается Его словами, Его учением, примером для подражания, Его любовью к бедным, чудесами и чем угодно еще. Выбор Христа есть выбор Христа в полноте Его личности, то есть выбор Его, присутствующего в настоящем, Его, просящего позволить Ему присутствовать во всей моей жизни, просящего принять Его.

«Се, стою у двери и стучу: если кто услышит голос Мой и отворит дверь, войду к нему, и буду вечерять с ним, и он со Мною»⁴¹.

Если бы мы сознавали, что это значит, если бы мы сознавали, что эти слова Христа из книги Откровения – не просто красивый благочестивый образ, а реальное описание Его отношения с нами, со мной... мы должны были бы содрогнуться при мысли о том, насколько мы пренебрегаем этим предложением, предложением всего, Всего, стоящего у моих дверей, подобно нищему, который просит у нас монетку, хотя на самом деле *Он просит позволить дать нам жизнь*, дать полноту нашему сердцу и всему, из чего составлено, соткано, сформировано наше существование, вплоть до последнего волоса на нашей голове.

Слава Богу, мы сотворены во времени, мы не ангелы, которые из-за мгновенного ошибочного и высокомерного решения навечно становятся демонами. Господь вновь и вновь позволяет нам делать выбор, принимать решение, обновлять его постоянно. Он знает: если мы не открываем Ему дверь, то живем без смысла, без жизни нашей жизни, и Он не смиряется с этим и всегда возвращается, чтобы искать нас, всегда приходит, чтобы стучать в нашу дверь... Я уверен, что богатый юноша – сам святой Марк, который обратился, вернулся к Иисусу, поскольку Иисус не смирился с тем, как он ушел от Него: сразу же после эпизода с богатым юношей Иисус «спешит» пострадать, чтобы спасти его, как Он хочет спасти всякого человека.

Тот, кто остается, кто начинает худо-бедно следовать за Ним, кто желает не отрываться от Него на каждом шагу жизни, тот растет! Растет в жизни, возрастает в своей человечности, во всем том, что присутствие Христа делает иным, более красивым, более радостным, более насыщенным, более зрелым, более кротким и смиренным, более отважным, более способным на нежность, на миролюбие, более способным смело и реши-

---

⁴¹ Откр. 3:20.

тельно утверждать истинное, справедливое, утверждать Его – вплоть до смерти ради Него. Тот, кто остается и следует за Ним, возрастает в святости, которая есть полнота человечности, возможная для всех благодаря присутствию и любви Христа, в каком бы положении, в каких бы условиях ты ни жил. Нет в человеке ничего, чему приход Христа не даровал бы искупление и полноту. Вот почему мы нуждаемся в Нем.

И как же удивительно видеть этот истинный человеческий рост среди нас. Еще удивительнее наблюдать, как меняемся мы сами, меняемся именно в дружбе с Ним, хотя наша ничтожность не только не исчезает, но и, вероятно, умножается со временем и возрастом. Человеческая истина святого настолько истинна, настолько укоренена в одном лишь Христе, что его не волнует, если он долго, а то и всегда будет жить со своими слабостями, недостатками и грехами. Святой переживает в истине даже собственный грех, он освящается даже через грех (может, я говорю ересь, но о том же говорит и папа!), как Петр, проливающий горькие слезы. Суть христианской святости не в нас, не в человеке, не в святом. Суть святости – в привязанности к Другому, и все происходит от Него, все Им *стоит*, как сказал святой Павел в первой главе Послания к колоссянам.

«Им создано все, что на небесах и что на земле, видимое и невидимое: престолы ли, господства ли, начальства ли, власти ли, – все Им и для Него создано; и Он есть прежде всего, и все Им стоит. И Он есть глава тела Церкви; Он – начаток, первенец из мертвых [Христос – жизнь жизни!], дабы иметь Ему во всем первенство, ибо благоугодно было Отцу, чтобы в Нем обитала всякая полнота [всего мироздания, но прежде всего – моего сердца, сердца Марфы, сердца всех людей], и чтобы посредством Его примирить с Собою все [от хаотичных хлопот Марфы до ее отношения с сестрой, до войны в Украине, до отношения между россиянами и украинцами], умиротворив [насколько сегодня это слово исполнено смысла!] через Него, Кровию креста Его, и земное и небесное»⁴².

Все собирается вокруг Христа

Эта вселенская, всеобъемлющая роль Христа словно должна начаться с кухни Марфы, с лодки Петра, со стола сборщика пошлин Матфея, как прежде она началась в доме Марии из Назарета, в мастерской святого Иосифа, в вифлеемском хлеву для пастухов... Все переустройство мироздания таинственным образом начинается, по Его, Слова Божия,

⁴² Кол. 1:16–20.

воле, с меня, с нас, со встречи с каждым из нас. И если после встречи мы поддаемся Его привлекательности, если мы отвечаем на встречу полной отдачей Его привлекательности, которая побуждает вновь и вновь решать остаться со Христом – шаг за шагом, обстоятельство за обстоятельством, встреча за встречей, предательство за предательством, тогда вся жизнь становится вереницей отношений, моментов, поступков и опыта, собирающихся вокруг Христа, следующих за Христом потому, что за Ним следует сердце, потому, что сердце услышало основополагающий призыв, способный обосновать любой другой выбор, любой отказ, любую возможную жертву или объятие: «Марфа, Марфа, лишь Я один нужен тебе, лишь Я бесконечным, вечным образом исполняю желание твоего сердца!».

Такое следование расширяет «я». Святой Бенедикт говорит об этом взрослении в начале Устава, чтобы монахи, которые должны его соблюдать, поняли: вся дисциплина, описанная в нем, весь требуемый от них труд обращения – всё служит возрастанию личности в ее способности свободно любить Бога и братьев и соглашаться на расширение сердца, обещанное и даруемое Христом тем, кто следует за Ним.

Святой Бенедикт пишет: «Итак, нам надлежит заложить школу служения Господу». Он создает общины, которые учат служить Господу и прежде всего следовать за Ним. «В установлениях [ее], надеюсь, нет ничего жестокого, ничего тягостного. Но если что и покажется, по требованию закона правды, для исправления пороков и сохранения любви, несколько суровым [как при воспитании детей иногда требуется строгость, если мы хотим, чтобы они выросли], не поражайся от того страхом и иди путем спасения [не оставляй его, подобно богатому юноше], которого нельзя начать иначе, как только узким путем. С продолжением такого рода жизни в монастыре и в вере, расширится сердце, и течение путей заповедей Господних пойдет с неизъяснимой сладостью любви»⁴³. Тот, кто остается, кто следует шаг за шагом, в один прекрасный момент понимает, что бежит, что у него есть силы бежать, ведь его сердце расширилось от необъяснимой сладости любви, милосердной любви, ведь оно чувствует себя любимым.

Смирненное и уверенное «я»

Когда мы читаем о воскрешении Лазаря в одиннадцатой главе Евангелия от Иоанна (этот эпизод явно произошел после того, который описан Лукой,

⁴³ Ср. *Устав святого Бенедикта*. Предисловие, 45–49.

предположительно пару лет спустя), нас поражает, что Марфа предстает перед нами все с тем же присущим ей темпераментом, но ее «я» стало бесконечно более зрелым, более пылким и одновременно более спокойным.

«Иисус, придя, нашел, что он уже четыре дня в гробе. Вифания же была близ Иерусалима, стадиях в пятнадцать; и многие из Иудеев пришли к Марфе и Марии утешать их в печали о брате их. Марфа, услышав, что идет Иисус, пошла навстречу Ему; Мария же сидела дома. Тогда Марфа сказала Иисусу: Господи! если бы Ты был здесь, не умер бы брат мой. Но и теперь знаю, что чего Ты попросишь у Бога, даст Тебе Бог. Иисус говорит ей: воскреснет брат твой. Марфа сказала Ему: знаю, что воскреснет в воскресение, в последний день. Иисус сказал ей: Я есмь воскресение и жизнь; верующий в Меня, если и умрет, оживет. И всякий, живущий и верующий в Меня, не умрет вовек. Веришь ли сему? Она говорит Ему: так, Господи! я верую, что Ты Христос, Сын Божий, грядущий в мир. Сказав это, пошла и позвала тайно Марию, сестру свою, говоря: Учитель здесь и зовет тебя»⁴⁴.

Какой гармоничный контраст мы видим между Марфой из эпизода, описанного Лукой, и Марфой в этом отрывке! Я говорю «контраст», поскольку очевидно, что эта женщина проделала огромный путь следования за Христом, путь обращения, начавшийся с первой встречи. Но это «гармоничный контраст», ведь столь же очевидно, что перед нами та же женщина и что обращение ее «я», рост ее сердца были не прыжком за пределы ее человечности, а путем ее человечности, ее темперамента, ее отношений и даже ее недостатков.

Настолько это верно, что первое слово, которое она говорит Иисусу, похоже чуть ли не на упрек, как и в тот раз: «Господи! если бы Ты был здесь, не умер бы брат мой». Но теперь все по-другому. Это нежный упрек, исполненный просьбы, исполненный исповедания того, что воистину лишь Иисус был нужен Лазарю, им. К тому же Марфа словно тут же поправляет саму себя, переводит скрытый упрек в акт веры, и без тени претензии или прихоти она просит, как милостыни испрашивает все у Христа, с уверенностью, которой раньше у нее не было: «Но и теперь знаю, что чего Ты попросишь у Бога, даст Тебе Бог». Какой силой обладает «я», говорящее «я знаю» не для того, чтобы высокомерно утверждать собственные способности, собственную мудрость, собственные знания, но чтобы утверждать Другого. Марфа говорит «я», всецело вверяя себя Христу и, более того, сознавая, что «Я» Иисуса полностью укоренено в доверии Отцу, и потому это уверенное «Я», основание и для ее уверенности, для нашей уверенно-

⁴⁴ *Ин.* 11:17–28.

сти. Насколько великим и зрелым образом Марфа сознает саму себя и Христа, когда утверждает, что присутствие Иисуса есть присутствие Отца, что любовь Иисуса есть любовь Отца, что творимое Иисусом творит Отец. «Я» Марфы, маленькое и убогое «я» Марфы, с полной ясностью исповедует «Я» Христа, то, как Иисус говорил «Я», зная, что Его всецело, навечно определяет любовное отношение с Отцом в Духе Святом.

Перед таким смиренным и уверенным «я» (именно это и очаровывает нас в святых и во многих людях среди нас: смирение и уверенность, соединенные любовью Христовой), перед таким смиренным и уверенным «я» Иисус чувствует Себя достаточно свободным, чтобы полностью открыться, явить Марфе всю Свою божественную природу, всю Свою божественную силу. Величие «я», утвержденного в вере со смирением и доверием, заключается в том, что оно позволяет Господу полностью явить Себя как «Я есмь», открыть, что значит в действительности, что нужен только Он. Позиция Марфы позволяет Христу явить Себя во всем Его величии и нежности.

Шаг за шагом ко всеобъемлющей вере

«Иисус говорит ей: воскреснет брат твой. Марфа сказала Ему: знаю, что воскреснет в воскресенье, в последний день. Иисус сказал ей: Я есмь воскресение и жизнь; верующий в Меня, если и умрет, оживет. И всякий, живущий и верующий в Меня, не умрет вовек. Верить ли сему? Она говорит Ему: так, Господи! я верую, что Ты Христос, Сын Божий, грядущий в мир»⁴⁵.

Иисус шаг за шагом ведет Марфу ко всеобъемлющей вере. Я помню, как мой «отец», монсеньор Корекко, перед смертью говорил, что просил лишь об одной благодати: умереть со всеобъемлющей верой. Иисус шаг за шагом ведет Марфу ко всеобъемлющей вере, подобно маме, которая подсказывает ребенку половину слова, чтобы он научился его заканчивать, запоминать целиком, чтобы он научился самовыражаться, не как попугай, а как тот, кто умеет выражать свое «я» как «я», как идентичность, как свободу, утверждающую себя. Если бы мама произносила все слово, ребенок повторял бы его, как попугай; она же произносит лишь половину, и ребенок понимает, что это он говорит слово, открывает, что это он выражает себя. И верно следуя, как будто цитируя ответ из катехизиса («Знаю, что воскреснет в воскресенье, в последний день» – очень

---

⁴⁵ Ин. 11:23–27.

правильный, безукоризненный ответ, но Христос ведет ее дальше, а точнее, Он открывает ей, что ее вера в Него идет куда дальше, чем традиционная вера Израиля), верно следуя, неотрывно глядя в глаза Иисуса, сердцем устремляясь к сердцу Иисуса, Марфа получает откровение обо всем, обо всем, что начала встречать пару лет назад в своем доме в тот памятный вечер: «Я есмь воскресение и жизнь; верующий в Меня, если и умрет, оживет. И всякий, живущий и верующий в Меня не умрет вовек».

Вспомним слова отца Джуссани: «Христос, жизнь жизни, уверенность в благой судьбе и Спутник в повседневной жизни, Спутник знакомый и все преображающий в добро: такова Его действенность в моей жизни»⁴⁶.

«Я есмь воскресение и жизнь; верующий в Меня, если и умрет, оживет. И всякий, живущий и верующий в Меня не умрет вовек».

В этом, лишь в этом мы нуждаемся, нуждаются все люди. Лишь это единственно необходимо. Мы нуждаемся в жизни, которая воскрешала бы нас от смерти, от всякой смерти, от всякого облика смерти и зла в нашей жизни, в семье, в общине, во всем мире. Все остальное – тысячи вещей, заботящих нас, вызывающих в нас тревогу, но не необходимых, поскольку они никогда не отвечают на истинную нужду сердца, каждого сердца.

Даже жизнь на земле, по сути, не необходима: это театр, где мы ощущаем нужду сердца, но не она ее удовлетворяет. Лазаря не удовлетворят немногие годы, которые он еще проживет после воскрешения. Мы нуждаемся не в том, чтобы не умирать или выживать, нам нужно, как Иисус говорит Марфе, не умирать вовек, нам нужна вечная жизнь, та, какую лишь Христос может дать, какой лишь Христос является для нас. Сейчас Иисус воскрешает Лазаря к жизни Лазаря, но Лазарь не создан, не задуман и не возлюблен Богом только ради этого. Никто из нас не задуман и не возлюблен Отцом только для того, чтобы прожить более или менее долгую жизнь. Мы созданы Им для Него, Богом для Бога, и сердце не находит покоя, пока не успокаивается в вечном приобщении к жизни, которая есть Христос, в Отчем лоне, в дыхании Духа Святого.

«Верить ли сему?»

«Я есмь воскресение и жизнь; верующий в Меня, если и умрет, оживет. И всякий, живущий и верующий в Меня не умрет вовек».

---

⁴⁶ См. сн. 19. С. 23.

Что можно добавить к этому всеобъемлющему свидетельству Христа о Себе? Что может быть больше этих слов? Что для нас может превзойти полное откровение онтологии Бога, данное Им, присутствующим здесь и сейчас, глядящим нам в глаза, присутствующим во плоти, лицом к лицу с нами? Что тут добавить?

Кажется, добавить ничего нельзя. Но нет. Чего-то недостает этому полному свидетельству, этому всеобъемлющему откровению, этой окончательной теофании Бога человеку. И Сам Иисус дает понять Марфе и нам, чего именно: «Веришь ли сему?»

Бессмысленно Богу приходить в мир и провозглашать Себя жизнью нашей жизни, жизнью вечной, неподвластной никакой смерти, жизнью вечной здесь и сейчас, не только в последний день, но сейчас, и не только для наших усопших, но для нас, живых, – все это бессмысленно, Сам Христос, Его смерть и воскресение не имеют никакого смысла, *если я не верю*, если не признаю себя верующим «ты» перед Христом, встречающим меня так, открывающим Себя так.

Как же Бог уважает человека, нашу свободу, если, являя нам, Кто Он такой как Бог, Он смиренно останавливается на пороге нашего сердца, нашего сознания, нашего разума, нашей воли, нашего ума и свободы и обращает к нам, просьбу – чуть ли не стенание нищего – поверить в Него, позволить Ему быть Самим Собой ради нас, позволить Ему быть Богом, быть воскресением и жизнью, позволить Ему быть Тем, Кто нас творит и искупает, Тем, Кто дает жизнь и воскрешает ее в жизни вечной!

«Веришь ли сему?» Этот вопрос – не допрос инквизиции. Это нищенская мольба сердца Бога, обращенная к сердцу человека, свободы Бога – к свободе человека, бытия Бога – к бытию человека.

Ответ на эту мольбу мы не должны искать в самих себе. Ткань веры, средоточие доверия заключены не в нас: они в Самом Господе, они Сам Господь. И поэтому Марфа не черпает свой ответ в памяти или в рассуждениях, а скорее перекладывает в слова то, что видит, то, что находится перед ней, то, что Иисус сообщает ей о Себе, глядя ей в глаза с любовью, с желанием наполнить смыслом ее жизнь, наполнить ее жизнь Собой: «Так, Господи! я верую, что Ты Христос, Сын Божий, грядущий в мир!»

Марфа отражает то, что видит, опыт Христа, который она переживает в тот момент. Иисус открывает ей Себя, перед ней происходит теофания, и она ее видит, признает ее, поскольку с того самого вечера, когда она всплыла, Марфа не переставала проверять слова, сказанные ей Иисусом, истину, явленную ей, что Он единственный, кого желает ее сердце, кто все приводит к свершению, кто все наполняет. И теперь Марфа стала

зрелой, возросла в этом опыте жизни, возросла в опыте того, что Иисус действительно есть жизнь жизни.

Прежде всего Марфа исповедует, что полнота эта присутствует в настоящем, что это Присутствие, «грядущее в мир». Оно не неподвижно, как языческие идолы, как истуканы. *Христос – Присутствие Бога, грядущее туда, где Его признают, где Его принимают, где Его любят.* Марфа пережила и переживает такой опыт, и потому ее сердце уверенно: убедительна его уверенность в том, что, если Христос есть всё для нас, если Он жизнь нашей жизни, то весь труд нашей свободы состоит в том, чтобы соответствовать свободе Бога, желающего прийти в мир, даровать Себя миру в плоти и крови, чтобы наполнить мир воскресением и жизнью жизни людей, любого человека в любой ситуации и в любых условиях, даже если он мертв вот уже четыре дня и истлевает, как Лазарь.

Великая проверка

Верить – значит признавать это, жить ради этого с благодарностью и надеждой. И поэтому каждый момент существования, даже отмеченный смертью или грехом, разрушением и злом, как война в Украине, даже отмеченный болью и страданием, как все испытания, болезни, как всякая несправедливость или невзгоды, которые постоянно затрагивают нас напрямую или косвенно, – все это не что иное, как вновь задаваемый нашей свободе вопрос Христа, воскресения и жизни, испрашивающего у нас веры, нашего «да» Ему, жизни жизни, жизни мира: «Верешь ли сему? Верешь ли, что Я есмь воскресение и жизнь твоей жизни, жизни всех людей?»

Жизнь не требует от нас ничего другого. Бог не требует от нас ничего другого. Он не требует от нас хорошо готовить, вовремя подавать на стол, Он не спрашивает, удалось ли нам растормошить нашу вялую сестру. Жизнь просит от нас веры во Христа. Жизнь, весь мир спрашивает, действительно ли мы признаем, что лишь Христос нам необходим, что Христос есть воскресение и жизнь нашей жизни. Жизнь просит от нас быть местом такой проверки, где вера позволяет присутствию Христа таинственным и всегда удивительным образом быть воскресением и жизнью всего и всех. Сколько вокруг нас свидетельств этого! Как пишет автор Послания к евреям: «Посему и мы, имея вокруг себя такое облако свидетелей, свергнем с себя всякое бремя и запинаящий нас грех и с терпением будем проходить предлежащее нам поприще, взирая на начальника

и совершителя веры Иисуса»⁴⁷. Сколько наших друзей составляют это облако свидетелей, это множество свидетелей, помогающих нам понять, говорящих нам, что Христос воистину есть жизнь жизни: в смерти, в болезни, в страдании – во всем.

Тот, кто живет этим, является авторитетом. Марфа в евангельской сцене – авторитетная фигура, спокойно упорядочивающая все и всех, далекая от истеричной женщины, какой она была несколько лет назад! Она обладает авторитетом, потому что в первую очередь навела порядок в самой себе, она позволила Христу навести его в ней. Когда человек находит твердый и незабываемый центр и решает проверить его состоятельность, все упорядочивается вокруг него. Жизнь упорядочивается в гармонии и красоте, даже посреди тысячи потрясений, если мы по-настоящему принимаем Христа в нас, в нашу жизнь, во всю жизнь, принимаем Его как единственного, кто нужен, как Того, Кто один отвечает на потребность нашего сердца в смысле и в жизни. Все переустраивается вокруг Него, все переустраивается в отношении с Ним. Лишь Иисусу известно правильное место для каждого из нас и для всего, что составляет нашу жизнь, от волоса на голове до жены, от обуви до работы, от кофе до политики – для всего.

Святой Бенедикт в своем Уставе упорядочивает все, приводит всю человечность монахов в гармоничный порядок, который из монастырей просиял в европейской и мировой культуре. Но весь этот гармоничный порядок для него происходит, рождается от центра, от центра, который нельзя навязать, который каждый монах призван выбрать, свободно принять, поскольку речь о центре привязанности, центре, где моя свобода отвечает на любовь, просящую у нее любви, на предпочтение, просящее предпочтения, на взгляд, сосредоточенный на мне и просящий сосредоточить взгляд на Христе. Святой Бенедикт описывает этот центр, прося монахов «ничего не предпочитать любви Христовой»⁴⁸. В другом месте он говорит, что незамедлительное послушание «свойственно тем, у кого нет ничего дороже Христа»⁴⁹. Наконец, в предпоследней главе, обобщая существенные для жизни монахов моменты, он в завершение просит «ничего не предпочитать Христу, Который всех нас да приведет [вот и следование] к вечной жизни»⁵⁰.

Вся жизнь возрастает и упорядочивается в отношении с этим центром, в непрерывном сопоставлении с этим центром, в постоянном приведении

---

⁴⁷ Евр. 12:1–2.

⁴⁸ Ср. Устав святого Бенедикта. 4, 21.

⁴⁹ Ср. Там же. 5, 2.

⁵⁰ Там же. 72, 11–12.

всего к предпочтению Христа. Именно так выросла Марфа, именно так ее личность стала выражением гармонии человечности, всей ее бурной человечности, которую она проявляет в сцене воскрешения Лазаря.

Странные люди, предпочитающие Христа

Когда отец Джуссани свидетельствует нам, что Христос – жизнь его жизни, он говорит об этом с беспокойством обо всех людях, вовлеченных в его харизму, с беспокойством, которое он уже множество раз – всегда – выражал, например, когда настойчиво цитировал (я в те годы учился в университете) знаменитый отрывок из «Краткой повести об Антихристе» Соловьева: «Обратился к ним император: „Что еще могу я сделать для вас? Странные люди! Чего вы от меня хотите? Я не знаю. Скажите же мне сами, вы, христиане, покинутые большинством своих братьев и вождей, осужденные народным чувством: что всего дороже для вас в христианстве?“ Тут, как белая свеча, поднялся старец Иоанн и кротко отвечал: „Великий государь! Всего дороже для нас в христианстве сам Христос – Он Сам, а от Него все, ибо мы знаем, что в Нем обитает вся полнота Божества телесно“»⁵¹.

Иногда я спрашиваю себя: власть до сих пор воспринимает нас, христиан, всех нас, мирян, священников, монахов, как «странных людей», «странных мужчин и женщин»? Ощущает ли нас очередная власть, очередная идеология странными, не сообразующимися с ней, не подлежащими согласованию с ее интересами, ее планами и проектами? Неслучайно папа Франциск часто обличает мирской характер нашей жизни, жизни в том числе и тех, кто должен бы посвятить себя предпочтению Христу если не образцовым, то хотя бы значимым образом, кто призван быть знаком новой жизни, возможной для всех. Но новая жизнь, иная, «странный» для мира, начинается с «я», с сердца, по-настоящему встречающего Христа, позволяющего Ему возвещать и переживающего на опыте, что лишь Он действительно необходим, лишь в Нем я нуждаюсь, лишь Он мне дороже всего, и потому Он для нас дороже всего, драгоценнее всего, и мы не отречемся от Него, даже если нас лишат всего, и даже жизни. Мученики свидетельствуют нам об этом: Христос, будучи жизнью жизни, дороже жизни.

Таким было свидетельство монсеньора Корекко, моего отца в вере, который прожил годы болезни, излучая в истине и радости мир, кото-

---

⁵¹ Ср. В. Соловьев. *Краткая повесть об Антихристе* // В. С. Соловьев. *Сочинения*: в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1988. С. 754.

рый приносили ему слова шестьдесят второго псалма – четвертых стих, звучащий в утренней молитве по воскресеньям и праздникам: «Милость Твоя лучше, нежели жизнь».

Все призывает нас к этому, к такой зрелости «я» в вере, которая позволяет Воскресшему, присутствующему здесь и сейчас, быть полнотой сердца в любых обстоятельствах существования. Кто вступает на путь следования за Христом, проверяя во всем, что Он есть воскресение и жизнь жизни, тот возрастает в новом отношении со всеми и со всем, в отношении свободном, поскольку человек, у которого нет ничего дороже Христа, свободнее императора, он властвует надо всем больше, чем властитель мира.

Но есть один аспект проверки, на котором мы должны подробнее остановиться сегодня вечером. Марфа не проделала этот путь в одиночку. Одна она бы его не прошла. И мы тоже не пройдем.

Сейчас споем *Regina Caeli*.

Суббота, 30 апреля, вечер

На входе и выходе:

Иоганн Себастьян Бах. Кантата «Christ lag in Todesbanden», BWV4

Карл Рихтер – Мюнхенский Баховский хор и оркестр

(Archiv Produktion) Universal

■ ВТОРОЕ РАЗМЫШЛЕНИЕ

Мауро Джузеппе Лепори

«Учитель здесь и зовет тебя»

Радость и свобода

«Иисус сказал ей: Я есмь воскресение и жизнь; верующий в Меня, если и умрет, оживет. И всякий, живущий и верующий в Меня, не умрет вовек. Верешь ли сему? Она говорит Ему: так, Господи! я верую, что Ты Христос, Сын Божий, грядущий в мир. Сказав это, пошла и позвала тайно Марию, сестру свою, говоря: Учитель здесь и зовет тебя»⁵².

Сегодня утром мы говорили о пути, который проделала Марфа, проверяя после той бурной сцены вызов Иисуса, когда Тот утвердил Себя перед ней как единственное, в чем она нуждалась. Марфа проделала путь, потому что проверила это суждение и, прежде всего, это Присутствие во всех перипетиях жизни. Она проделала работу над собой, сохраняя внутри себя весть Иисуса, и со временем она все больше убеждалась, что весть эта была истинной, что воистину потребность в Иисусе бесконечно превосходила все ее нужды и притязания, наполнявшие ее жизнь и ее сердце и, самое главное, порабощавшие их. Она испытала освобождение, расширение сердца, расширение смысла и наслаждения жизнью. Ничто уже не замыкало ее в самой себе, а если даже такое и случалось, память о том Присутствии и о тех словах, об опыте, который они породили в ней, вновь открывали ее сердце и избавляли от тревоги и жалоб, которые в очередной раз одолевали ее. И поэтому она была радостной. Даже перед драмой жизни, даже в страдании, как когда умер ее брат Лазарь, Марфа чувствовала, что радостна, то есть свободна от замкнутости, ранее душившей ее.

---

⁵² Ин. 11:25–28.

Отвергнуть фальшь «я»

Эта работа не была простой. С характером Марфы проверить, что лишь Другой ей необходим, отказаться от попыток самостоятельно обеспечить себе и другим то, в чем, на ее взгляд, они нуждались, можно было, только постоянно отказываясь от самой себя, и, скажем откровенно, такой отказ был ей не свойственен.

На эмблеме Братства, созданной бразильским художником Клаудио Пастро (мне посчастливилось познакомиться с ним в Сан-Паулу за несколько месяцев до его смерти; этот художник, исполненный веры, работал над главной бразильской марианской святыней – базиликой Богоматери Апаресидской, которую я считаю одним из великих чудес современного христианского искусства), изображен, как вы знаете, святой Бенедикт⁵³. Вокруг его фигуры Пастро написал половину фразы из Устава святого Бенедикта: «*Ut sequatur Christum*» – «Чтобы следовать Христу». Туда не помещалась первая половина строки, взятой из четвертой главы Устава, представляющаяся, на первый взгляд, отрицательной: «*Abnegare semetipsum sibi, ut sequatur Christum*» – «Отвергать себя самого, чтобы следовать Христу»⁵⁴.

Кажется, святой Бенедикт хочет полностью подавить «я», поскольку он говорит не просто о том, чтобы отвергнуться самих себя, а «*semetipsum sibi*» – буквально отказать себе в самих себе. Разумеется, это часть монашеского аскетизма, который во времена святого Бенедикта не страшило умерщвление самих себя. Однако, когда мы замечаем, как часто живем рабами отчужденного «я», полного лжи и идеологии, полного прихотей, порожденных чрезмерным благополучием, забывающем о нищете других, слишком многих других; когда мы видим, что мы заражены «культурой

⁵³ Образ святого Бенедикта воспроизводится по медальону, созданному в 1980 году бразильским художником Клаудио Пастро (Сан-Паулу, 1948–2016) к юбилею со дня рождения покровителя Европы. В том же году Мартино Магринола, настоятель монастыря Монтекассино, даровал первое церковное признание Братству «Общениа и освобождения». Средний, указательный и большой пальцы правой руки Бенедикта подняты вверх и символизируют Лица Пресвятой Троицы, призывая к жизни в общении. Левой рукой он указывает на сердце, где воплощается идея Устава – жизнь по Евангелию. Оформление драгоценными камнями и округлая форма медальона обозначают динамику божественного, воплощающегося в человеческом. На полях помещена фраза «*Ut sequatur Christum*» («Чтобы следовать Христу»). *Устав святого Бенедикта*. 4, 10), описывающая человеческий путь. См. также: G. Feliciani. *Notizia storica* // L. Giussani. *L'opera del movimento...* P. 19.

⁵⁴ *Устав святого Бенедикта*. 4, 10.

отбраковки и безразличия»⁵⁵; когда замечаем, с каким индивидуализмом, с какой инстинктивностью мы подступаемся к жизни, к нашей общине, к нашей семье, к жене, мужу, детям, к работе, к нашему призванию... Одним словом, возможно, нам не повредило бы если не умерщвление «я», которое мы рискуем плохо понимать и плохо проживать, то хотя бы работа над собой, позволяющая осознать, что восприятие «я» как всего в жизни (а именно в этом проблема индивидуализма: в том, чтобы воспринимать «я» как бога, идола для собственной жизни) не ведет к частью, не помогает жизни обнять превосходящий ее смысл. И правда, радость — мы наблюдаем это в детях — есть опыт, при котором сердце, так сказать, «выплескивается» за собственные пределы.

Думаю, Марфа совершила такую работу, отказалась от «я», переполненного собой, «я», замкнутого на самом себе и требующего, чтобы все склонялись перед ним. Но она не совершила эту работу и этот путь решением и усилием своего «я». Вышло бы только хуже! Полагаю, демоны убеждены, что они самые добрые и альтруистичные существа во вселенной только потому, что делают все сами и для себя. Нет, Марфе удалось совершить эту работу, поскольку она смотрела на Христа, позволила Ему привлечь ее, хотя вначале Он возражал и противоречил ей. Но Он возражал ей, вложив перст в рану ее самодостаточных представлений о реализации собственной жизни, которые делали ее замкнутой, душили ее, отравляя все в ней и вокруг нее: отношения, работу, религиозность, все.

Вызов, разделенный с другими

Марфа не проделала этот путь одна, и в тот вечер Иисус не призвал только ее, не явил Себя только ей. Марфа совершила работу над собой в лоне компании, вместе с людьми, которые решились на этот путь вместе с ней, которые совершили работу над собой вместе с ней.

То, что случилось в тот вечер, то, что Иисус сказал и открыл о Себе, не было простой перепалкой между Ним и Марфой, как не было и моментом духовного наставления между Ним и Марфой. Их разговор превратился в Евангелие, ведь он касался всех и незамедлительно затронул и вовлек всех присутствовавших в тот вечер в доме Марфы. Я уверен, что в тот вечер для обеих сестер и их брата произошла встреча со Христом, придав-

---

⁵⁵ Ср. Франциск. *Проповедь во время святой мессы открытия XIV Генеральной ординарной ассамблеи Синода епископов*, 4 октября 2015 г.; Франциск. *Послание по случаю празднования LIV Всемирного дня мира*, 1 января 2021 г.

шая новый смысл их совместной жизни. Действительно, Лазарь и Мария, после того как Иисус поправил Марфу, тоже остались в молчании. Они бы могли переглянуться с ироничной ухмылкой, потому что Иисус согласился с ними насчет вечных невыносимых треволнений и претензий Марфы. Хуже того, они бы могли в один голос сказать: «Мы же тебе говорили! Видишь, даже Иисус заметил, как ты всех беспокоишь твоими треволнениями и претензиями, твоей манией руководить всем и всеми!»

Но и они пребывают в молчании! Они тоже слушают и размышляют о себе, поскольку слова Иисуса, сказанные Марфе (о том, что только Он нужен, только Он необходим), были слишком великими, слишком важными: они не могли предназначаться исключительно Марфе! Каждый размышлял о себе, даже Мария, хотя Иисус похвалил ее и она могла бы считать, что у нее и так все в порядке. И Лазарь, и Мария наверняка спросили себя: «А что же я? Переживаю ли я встречу с Иисусом, признавая Его единственным необходимым ответом на мою потребность в счастье, в мире, в братстве, в красоте и в осуществлении жизни? Действительно ли Он для меня всё, лучшая часть, или нет? Действительно ли Он мой покой и все в моей жизни упорядочивается и находит отдохновение рядом с Ним и в Нем?»

Признаюсь, когда миряне, которых мирские бури бросают из стороны в сторону, говорят нам, монахам, что мы выбрали лучшую часть, чуть ли не с чувством вины за то, что сами они ее не выбрали, для меня это большой вызов. У меня бывает ощущение, что часто для людей в монастыре лучшая часть – не такой драматичный выбор, как для тех, кто оказался, так сказать, посреди кораблекрушения, например, на работе, в семье, в обществе, в политике... Даже в сцене с Марфой и Марией последняя словно получила лучшую часть на блюдечке, слишком уж легко. Марфа же призвана к драматичному выбору, и, как мы увидим, она делает этот выбор серьезно, действительно принося в жертву ложную позицию своего «я». Поэтому, мне кажется, в тот вечер и Мария поняла, что тоже должна была снова выбрать Христа, выбрать по-настоящему, также приняв вызов Иисуса.

Подумаем о том, как Иисус и апостолы в тот вечер или на следующий день ушли, а Марфа, Мария и Лазарь остались одни в затихшем доме, который нужно было привести в порядок и убрать после визита дюжины галилейских мужчин, по большей части крестьян и рыбаков, не слишком привыкших к хорошим манерам. Несомненно, все трое посмотрели друг на друга в молчании, ощущая внутри себя смесь печали и умиротворенного, благодарного и радостного покоя. Их печаль была радостной, потому что жаждала блага, пережитого

с благодарностью, которым, однако, никогда нельзя обладать в полной мере. Все трое посмотрели друг на друга, как никогда прежде не смотрели, нежно, как никогда прежде. Они любили друг друга, это ясно из каждой евангельской сцены, в которой появляются брат и две сестры, но этой нежности раньше не было. Всем троим было очевидно без слов (потом, вероятно, они об этом говорили), что все между ними не так, как раньше, что они вступили в иное братство, в иную близость, и их дом, так хорошо им знакомый, где они, скорее всего, жили с детства с родителями, с бабушками и дедушками, где они вместе росли... их дом стал новым местом, новым пространством, чем-то священным, подобным храму, стал пространством, где можно жить, как в храме. Они догадывались: новизна между ними и новизна их дома родилась в тот самый миг, когда Иисус, воспользовавшись жалобами Марфы (хотя Он мог воспользоваться – и пользовался – любым другим обстоятельством), сказал ей, открыл ей и всем, кто слушал, что каждое человеческое сердце создано для Него, единственного необходимого, Того единственного, Кто отвечает на нужду жизни, на всю составляющую нас человечность.

Именно это всегда случается во встрече со Христом, когда мы встречаем Его по-настоящему. Иисус говорит об этом тысячью разных способов, но речь всегда об одном и том же опыте. Приведу три примера из Евангелия:

«Придите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас; возьмите иго Мое на себя и научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем, и найдете покой душам вашим; ибо иго Мое благо, и бремя Мое легко»⁵⁶.

В другой момент «Иисус сказал... в ответ [самарянке]: всякий, пьющий воду сию, возраждет опять, а кто будет пить воду, которую Я дам ему, тот не будет жаждать вовек; но вода, которую Я дам ему, сделается в нем источником воды, текущей в жизнь вечную»⁵⁷.

И еще одно место в Евангелии от Иоанна: «В последний же великий день праздника стоял Иисус и возгласил, говоря: кто жаждет, иди ко Мне и пей. Кто верует в Меня, у того, как сказано в Писании, из чрева потекут реки воды живой. Сие сказал Он о Духе, Которого имели принять верующие в Него [«Веришь ли сему?»]: ибо еще не было на них Духа Святого, потому что Иисус еще не был прославлен»⁵⁸.

⁵⁶ Мф. 11:28–30.

⁵⁷ Ин. 4:13–14.

⁵⁸ Ин. 7:37–39.

Новизна братства во Христе

Мы видим, что все трое вместе работали над событием, что они вместе ответили на эту новизну и вместе проделали путь, видим не только по зрелости, которую Марфа демонстрирует, когда Иисус приходит ко гробу Лазаря. Мы видим это в том числе и прежде всего по ее новому отношению с Марией, ее сестрой. Достаточно одной детали, чтобы понять: двух сестер связывают новые отношения. После встречи и беседы с Иисусом, Который открывает ей Себя как воскресение и жизнь жизни, Марфа идет и зовет свою сестру и тем самым свидетельствует о новом отношении между ними, новом отношении, которое растет в тех, кто вместе проверяет, что Иисус – Единственный необходимый сердцу, в тех, кто вместе, потому что Иисус Христос есть, потому что Христос – всё. Она говорит ей: «Учитель здесь и зовет тебя»⁵⁹.

В этих словах заключена вся новизна, принесенная в мир Христом: новизна отношений, братских уз, новое братство, новая дружба, немислимая для мира и, прежде всего, невозможная без Христа. Марфа зовет Марию, чтобы сказать ей, что Иисус зовет ее, она передает призыв присутствующего Господа. Он здесь и зовет тебя, ждет тебя, хочет встретиться с тобой. Теперь они уже обе знают: только Иисус необходим, Он жизнь жизни. Их объединяет это сознание, тот факт, что полное удовлетворение их сердце находит во Христе.

«Учитель». Для Марфы это слово исполнено всей власти Христа, Его *auctoritas*, что этимологически значит «способствовать росту»; иначе говоря, отношение с Ним, слушание Его позволяет нам расти, способствует развитию жизни, расширяет сердце, подводит к истине всего: отношений, работы, привязанности, человеческих слабостей, вплоть до смерти, до боли от смерти Лазаря и собственной смерти. «Учитель» для Марфы теперь – Тот, Кто есть «воскресение и жизнь», Тот, Кто здесь, чтобы воскресить тебя, чтобы ты жил полной жизнью. «Учитель», сказала бы мать Тереза Калькуттская, есть Иисус – «Жизнь, которую нужно прожить», «Любовь, которую нужно любить»⁶⁰. Можно добавить множество других качеств и действий, которые мы призваны усвоить, впитать от властной благодати Его присутствия, от Его любви к нам, от Его взгляда на нас.

⁵⁹ Ин. 11:28.

⁶⁰ «Все мы становимся истинной и плодоносной ветвью Иисусовой лозы, принимая Его в нашу жизнь в той форме, в какой Ему угодно прийти... как Жизнь, которую нужно прожить, как Любовь, которую нужно любить» (Madre Teresa. *Il cammino semplice*. Milano: A. Mondadori, 1995. P. 17).

Нет более глубокого и истинного общения, нет братства более прекрасного и крепкого, чем то, что возникает в разделении друг с другом такой веры и такого желания, веры, которая заключается в желании Его, в желании и объятии Его. И нет большего взаимного дара, нет более нерушимого единства, чем напоминание друг другу о присутствии Иисуса, ожидающего нас, чтобы ответить на основополагающую нужду нашей жизни и удовлетворить ее. Марфа и Мария безмолвно и глубоко соединены в сознании, что присутствие Христа есть жизнь жизни для них и для всех, в том числе и для умерших, как Лазарь, и, когда они предстают перед Ним в разное время, каждая говорит одно и то же, выражает одно и то же сознание, одно и то же желание жизни своей жизни – Его: «Господи! если бы Ты был здесь, не умер бы брат мой»⁶¹.

Проверить вместе, что Он есть всё

Я подчеркиваю все это, поскольку, как мне кажется, в этих эпизодах, в этих словах, в этих евангельских персонажах мы находим экзистенциальную парадигму Церкви, компании людей, дружбы и братства, в которых каждому из нас дарована возможность и призвание идти вглубь встречи со Христом, до полноты человечности, до полноты и зрелости «я», которое меняет мир, обновляет все, отвечая на событие Христа и свидетельствуя о нем. Никто не свидетельствует о Христе и о том, что Он всё для человека, больше, чем тот, кто посвящает свою жизнь проверке этого предложения, кто растёт, проверяя предложение Христа сердцу, Христа, Который говорит сердцу: «Я всё для тебя и для всех!»

Но, более того, с этим неразрывно связано следующее: ничто не свидетельствует о Христе и о полноте, которой Он является для человека, лучше, чем *компания людей, объединенных такой проверкой*, опытом того, что Единственный необходимый призывает их проверить, действительно ли сердце и жизнь не нуждаются ни в чем другом, кроме Него. *Христианское общение воистину есть совместная проверка (verifica буквально означает «делать истинным, реальным») того, что Христос – всё для сердца человека.*

Нет ничего более драгоценного, более дорогого, более предпочтительного, что могло бы объединить нас. И ничто не может сделать нас более ответственными за наше единство перед целым миром. Причина единства учеников – опыт того, что Христос – всё для сердца каждо-

---

⁶¹ *Ин.* 11:21, 32.

го человека, Христос – жизнь жизни каждого человека, и если я переживаю такой опыт, неожиданный и данный даром, незаслуженный, то я сразу же становлюсь ответственным за каждое человеческое сердце. И если я чувствую, что братские узы, связывающие меня с теми, кого Бог поставил рядом со мной, позволяют более истинным и верным образом проверять, является ли Христос единственной необходимой человеку Реальностью, тогда единство с моими братьями и сестрами становится вселенской ответственностью, ответственностью по отношению ко всему миру. Скажу другими словами, и нам нужно остановиться на них подробнее. Если я говорю тому, кто рядом со мной: «Учитель здесь и зовет тебя; Христос, воскресение жизнь, здесь и зовет тебя», – на самом деле я говорю это всем, я передаю присутствие и призыв Христа целому миру. И не потому, что я молодец, не потому, что меня повсеместно знают, не потому, что тот, кому я это сообщаю, – человек известный, а в силу природы Христа, в силу того, Кем является Христос, в том числе когда сидит на кухне у меня дома, когда Он присутствует в моей общине или расшатанной семье.

Экуменизм, переживаемый таким образом, есть вселенская ответственность христиан, долг христиан перед всем миром. Чем больше мы разделяем друг с другом этот опыт, тем глубже убеждаемся, что Христос – воистину всё, всё для всех, всё во всех. Совместное разделение такого опыта, такой проверки не умаляет, а наоборот, подчеркивает всеобъемлющую роль Христа для каждого, для каждого сердца.

«Не горело ли в нас сердце наше, когда Он говорил нам на дороге и когда изъяснял нам Писание?»⁶² – говорят друг другу ученики из Эммауса. Какое глубочайшее и нежнейшее общение мы видим между этими двумя, совместно переживающими опыт того, что, только когда Христос присутствует, когда Учитель присутствует, сердце каждого горит полнотой! Они никогда не испытывали такой интенсивной дружбы между ними, как на дороге с Иисусом, и кто-то даже не исключает, что они были мужем и женой или по меньшей мере двумя учениками, которых связывали многолетние отношения (возможно, они трудились или жили вместе, были родней или друзьями). Но раньше они не были настолько едины. Раньше их объединяли жалобы, разочарование, в том числе и во Христе, умершем такой недостойной смертью, не исполнившем обещания, которые они Ему приписывали и которые должны были удовлетворить их ожидания, вероятно, даже благие, как освобождение Израиля: «А мы

---

⁶² Лк. 24:32.

надеялись было, что Он есть Тот, Который должен избавить Израиля...»⁶³ Они тоже, подобно Марфе, ожидавшей в тот вечер, только чтобы Иисус заставил ее сестру помочь ей, дал ей пинка и та взялась за работу...

Как мало мы ждем от Христа, когда не позволяем Ему открыть нам, что Он всё для глубочайшего нашего желания!

Братская миссия

Марфа, передавая Марии призыв присутствующего Учителя, разделяет со своей сестрой открытость перед Христом, которая позволяет Ему даровать нам все, всего Себя, всю жизнь, какой Он для нас является. Они разделяют друг с другом веру и надежду, не ограничивающие дар Христа миру. Только живя в таком общении, мы можем быть настоящими миссионерами. Христос вышел нам навстречу, чтобы позвать нас, чтобы спасти мир без каких-либо ограничений. Он не пришел ради освобождения одного только Израиля, не пришел навести порядок и дисциплину в одном только доме Марфы. Тем не менее мы почти всегда ставим такие границы, редуцируем подобным образом событие Христа. Мы редуцируем его не столько само по себе, ведь на словах мы верим, что Христос есть воплощенный Сын Божий, умерший и воскресший для спасения всего мира. Мы редуцируем его, когда не позволяем этому событию менять нашу жизнь, наполнять нашу жизнь. Мы хотим, чтобы оно соответствовало нам на уровне нашего ограниченного желания, которое не идет ни в какое сравнение с безграничным желанием спасения, заключенным в сердце Христа. Он желает этого и для меня! Христос не хочет использовать нас для спасения мира, отмахиваясь от нашей потребности во спасении. Все наоборот: Христос спасает весь мир, спасая мою жизнь, давая полноту моему сердцу, воскрешая мою жизнь. «Я есмь воскресение и жизнь», и не только для Лазаря, но и для тебя, Марфа! И начиная с тебя, – для всех, кого ты встретишь, как очень скоро ты встретишь твою сестру. «Я есмь воскресение и жизнь», во плоти, в Личности, в высшем смысле, а значит, для всех! Если Моя жизнь расцветает в тебе, ты не сможешь жить, не обнимая мир, не испытывая жажду всеобщего спасения – Мою жажду, ту, из-за которой Я радостно умер на кресте ради вас!

Какой невероятный человеческий рост демонстрируют нам Марфа и Мария, перешедшие от соперничества и взаимных претензий (казалось даже, что Иисус был причиной раздоров и ревности между ними) к зре-

---

⁶³ Лк. 24:21.

лому сознанию, что, если разделяешь друг с другом значение Христа, Он делается еще более драгоценным, в большей мере присутствующим для каждой. Они пережили опыт, когда, разделяя Христа с другим, получаешь больше сам.

Марфа уже больше не жалуется на Марию, сидящую дома, хотя нужно многое сделать, чтобы принять всех, кто приходит выразить соболезнования в связи со смертью Лазаря. Она не станет жаловаться и недолгое время спустя, когда Мария прольет драгоценное нардовое масло на ноги Иисуса⁶⁴. Марфа примирилась с созерцательным бескорыстием своей сестры, как примирилась она и со своей ролью женщины на все руки, поскольку ей стало понятно, точнее, она на опыте убедилась, что во всем они разделяют самое дорогое сокровище, придающее бесконечную ценность и ее домашним хлопотам, и бездейственному созерцанию Марии. Ничто не отвлекает ее от того, чтобы обретать во Христе присутствующем полноту сердца: все остальное – лишь сцена для этого опыта.

Мы должны совершить такую же проверку и в отношении нашей братской жизни, нашего общения и нашей дружбы, не только в рамках общины, но и с мужем или женой, с детьми, друзьями, коллегами, равно как и с врагами и противниками. Нужно уметь задавать себе вопрос: во всех этих сферах есть ли место присутствующему Христу, жизни нашей жизни, полноте сердца и всей нашей человечности? Занимает ли Христос центральное место в нашей жизни, в наших отношениях, в наших встречах, в нашем отдыхе или в наших ссорах и конфликтах? Занимает ли Христос центральное место, когда в наших отношениях наступает кризис? Действительно ли Христос присутствует и занимает центральное место в кризисе наших представлений об отношениях, о смысле нашей совместной жизни, о нашем совместном пути? Занимает ли Христос центральное место, к примеру, в наших разногласиях по поводу истолкования харизмы, миссии или призвания?

Свидетельство о Воскресшем – содержание любого миссионерского присутствия, даже в четырех стенах монастыря или нашего дома, – проистекает из признания во всем (хотя бы на уровне просьбы), что Христос, Учитель, Господь, воскресение и жизнь жизни, здесь и зовет нас.

Монсеньор Монтини, будущий святой Павел VI, в начале своего архиепископского служения в Милане, написал пастырское послание на Великий пост, озаглавив его фразой святого Амвросия: «*Omnia nobis est Christus*» – «Христос для нас всё»⁶⁵. Это послание стоит перечитать

⁶⁴ Ср. *Ин.* 12:1–11.

⁶⁵ Sant' Ambrogio. *De virginitate*, 16, 99.

целиком (мне жаль, что у нас нет времени), поскольку оно с неизменно актуальной ясностью утверждает, что насущная необходимость для Церкви и для мира состоит в том, чтобы вновь осознать и пережить на опыте, что лишь Христос нам необходим. Я поражаюсь при мысли о том, что монсеньор Монтини опубликовал это послание через несколько месяцев после того, как отец Джуссани в октябре предыдущего года впервые поднялся по знаменитым ступеням лица Берше, чтобы, сам того еще не зная, положить начало Движению, для которого Дух Святой его предназначил. Представляю, как должны были отзываться в сердце отца Джуссани слова его архиепископа о всеобъемлющей нужде во Христе.

Монтини в своем послании приводит невероятное определение Пасхи, дающее нам понять, как она должна вовлекать нас: «Пасха есть провозглашение нашей потребности во Христе – нашей жизни»⁶⁶.

Настоящая дружба

«Учитель здесь и зовет тебя»⁶⁷.

Нужно уловить всю силу этих слов, потому что они описывают суть христианского общения, дружбы, братства, возможных только благодаря событию Христа и делающих нас «странными людьми», не имеющими ничего дороже Христа, о которых говорил император у Соловьева. Как я уже говорил, в эту фразу Марфа вкладывает все, всю свою встречу со Христом – воскресением и жизнью, а значит, и всю свою веру в Него: «Так, Господи! я верую, что Ты Христос, Сын Божий, грядущий в мир»⁶⁸.

Зовя Марию таким образом, Марфа переводит свое личное признание Христа в новое отношение с ней. Замечательно видеть соответствие между тем, что она только что сказала об Иисусе: «Ты Христос, Сын Божий, грядущий в мир», – и то, что она затем говорит сестре: «Он здесь и зовет тебя [Он пришел к тебе]». Человек, признающий живого и присутствующего Христа, по-новому переживает отношения со всем и прежде всего со всеми, начиная с отношений, из которых уже соткана жизнь.

О том же новом отношении Андрей сразу же свидетельствует своему брату Симону: «Один из двух, слышавших от Иоанна об Иисусе и последовавших за Ним, был Андрей, брат Симона Петра [они вместе

---

⁶⁶ Дж. Баттиста Монтини. *Omnia nobis est Christus*. Пастырское послание Миланской архиепархии на Великий пост 1955 г.

⁶⁷ *Ин.* 11:28.

⁶⁸ *Ин.* 11:27.

всю жизнь, вместе трудятся, делят друг с другом все радости и горести, они ссорились и посылали друг друга куда подальше тысячи раз!]. Он первый находит брата своего Симона и говорит ему: мы нашли Мессию, что значит: Христос; и привел его к Иисусу. Иисус же, взглянув на него, сказал: ты Симон, сын Ионин; ты наречешься Кифа, что значит: камень (Петр)»⁶⁹.

Что меняет привычные отношения, часто примелькавшиеся, потренированные временем, рутинной, обыденностью, с какой мы обращаемся друг с другом, даже – и особенно – с теми, с кем нас связывает призвание: с мужем и женой, детьми, братьями и сестрами по общине? Что меняет отношения? Может быть, тот факт, что я стал добрее, не таким неприятным, менее занудным, более щедрым? Может, я чаще умолкаю вместо того, чтобы вечно критиковать? Но порой, именно храня молчание, я взращиваю плесень, а то и ядовитую траву между мной и другими... Нет! *Мое отношение меняет присутствие Того, Кто наполняет мое сердце.* Андрей встретил Того, Кто отвечал на всю жажду его сердца, и, увидев Петра, он осознал, что Христос наполнил его, стал для него настолько дорогим, настолько ценным, что восполняет и все недостающее или расшатанное между ним и его грубоватым старшим братом. И ему удается подарить Христа Симону Петру, поскольку присутствие Иисуса в нем, в его сердце уже так велико, так реально, что оно охватывает Петра, все его сердце и жизнь, и он становится другим – становится настолько самим собой, что он другой: «Ты Симон, сын Ионин; ты наречешься Кифа». Не то что он больше не будет Симоном, сыном Иониним. Петр останется самим собой и в добром, и в плохом, даже после Пятидесятницы. Но он другой, потому что в его жизнь входит, в ней проявляется его вечная идентичность, которой он обладает перед Христом, проявляется то, кто он для Христа от века и навеки. Если Христос присутствует, во мне воплощается то, кем я являюсь для Него, это я в большей степени, чем я сам, это определяет меня больше всего остального, больше меня самого. Если Христос присутствует, Он в отношении со мной дает воплотиться тому, кто я для Него. Признавая Его присутствие, я позволяю Ему сделать меня тем, кто я для Него.

«Учитель здесь и зовет тебя». Христос передается среди нас, был нам передан и передается среди нас *через эхо Его призыва, которым становятся наши отношения*, в том числе самые близкие и сокровенные. Марию зовет Христос, но временным, плотским проводником зова Вечности для Марии стала Марфа. Христос присутствует, и Марфа говорит Марии: «Он

⁶⁹ Ин. 1:40–42.

здесь!» Христос зовет Марию, и Марфа говорит ей: «Он зовет тебя!» Она ничего не добавляет, ничего не комментирует, ничего не истолковывает. Просто ее личность, ее тело, ее голос, ее взгляд, слегка сбившееся дыхание, пот на лбу, сияющие глаза – все в ней передает Христа, зовущего ее сестру. Марфа становится воплощением присутствия и призыва Христа, обращенного к ее сестре, милосердной любви Христа, милосердной любви Бога к каждому человеку.

«И Слово стало плотью, и обитало с нами»⁷⁰.

Опыт, который Дева Мария пережила сразу же после Благовещения, когда отправилась навестить Елисавету, становится повседневным опытом церковного общения, Церкви. Это с изумлением замечает Елисавета, ощутившая в своей плоти женщины и матери взволнованность и движение: «Когда голос приветствия Твоего дошел до слуха моего, заиграл младенец радостно во чреве моем!»⁷¹ Присутствие Христа настолько реально между нами, что мы испытываем его даже физически.

Не прозелитизм, а привлекательность

Однако присутствие Иисуса не передается между нами механически. Почему? Потому что «передача» происходит между Христом присутствующим и свободой другого. Марфа не идет к своей сестре, чтобы сказать: «Иди скорее, там Иисус! Ты не должна упускать такую возможность!» Нет, она не предлагает ей Христа как некий талисман, который нужно потерять, а то тебя ждут несчастья. Она предлагает Христа как Того, Кто первым предлагает Себя нашей свободе, привлекая к Себе смиренной любовью, Своей любовью, жаждущей нашей любви, жаждущей нашего сердца, жаждущей жажды нашего сердца. Ни самарянку, ни Закхея, ни Никодима, ни благоразумного разбойника Христос не обратил за счет прозелитизма, Он сделал это, как сказали бы в один голос папа Франциск и папа Бенедикт, силой привлекательности – привлекательности Его Самого для нашей свободы. Христос влечет нашу свободу; Он не привлекает нас, обольщая чем-то другим, что нас могло бы заинтересовать, нашими внутренними прихотями: Он влечет нашу свободу. И потому в рамках этой привлекательности Он предлагает нам шаги, уважает наши вопросы, наши колебания (Он проводит ночь в беседе с Никодимом), пока мы не сдадимся: не по принуждению, а перед лицом бесконечной любви,

⁷⁰ *Ин.* 1:14.

⁷¹ *Лк.* 1:44.

перед очевидностью бесконечной любви. Подумаем о терпении тех, кто породил нас в вере, в христианском опыте, о том, с каким терпением они ждали, чтобы наша свобода проросла, сказала да!

Марфа идет к своей сестре, будучи прежде сама проникнута привлекательностью Христа. Только представьте себе красоту Господа, Его привлекательность для сердца в тот момент, когда Он, пристально глядя ей в глаза, говорит: «Я есмь воскресение и жизнь»⁷²! Только представьте себе: это высшая красота. Все иконы стремятся выразить именно ее. И Он говорит именно о привлекательности Бога для человека, не столько чтобы определить Себя Самого, сколько чтобы определить отношение с нами, воздействие на нас этой высшей красоты. И правда, Он тут же добавляет: «Верующий в Меня, если и умрет, оживет. И всякий, живущий и верующий в Меня, не умрет вовек»⁷³! Он предлагает нам жизнь, которая не умирает, не умирает вовек! И жизнь эта – Он Сам. Что может быть более привлекательного? Точнее, что еще может привлечь нас, если не это?!

Одним словом, свидетельство как содержание истинных отношений, истинной дружбы, истинного братства, как содержание церковного общения именно это передает свободе другого человека, предлагает именно это от моей свободы, привлеченной Христом, свободе другого человека, привлеченного, призванного не мной, а Христом. «Учитель здесь и зовет тебя [Он Сам зовет!]».

Если бы мы осознавали наши отношения таким образом, если бы выносили суждение об инстинктивности, присущей нашим отношениям, как засияли бы наши общины, даже самые немногочисленные, самые маленькие, самые расшатанные, посреди мира, в котором привлекательность и свобода пребывают в рабстве друг у друга и потому не дышат, не созидают дружбу, не расширяют сердце и жизнь. В мире привлекательность и свобода спаяны друг с другом и потому не движутся, не меняют жизнь.

Слава Богу, перед нами множество положительных свидетельств! Как изумительно, что такие сияющие общины есть в Церкви, в Братстве, в движениях, в монашеских орденах. Именно так Церковь живет и преобразует мир, является солью и закваской в тесте мира. Не столько потому, что люди любят друг друга, сколько потому, что *они любят так*, и даже объятие между мужем и женой воплощает призыв: в нем один человек говорит другому, как Марфа – Марии, как Андрей – Петру, как самаряян-

---

⁷² Ин. 11:25.

⁷³ Ин. 11:25–26.

ка – жителям своего селения, что Христос присутствует здесь и сейчас и привлекает тебя к Себе, призывает твою свободу пойти к Нему, чтобы Он стал воскресением и жизнью твоей жизни. Такая любовь и делает Церковь солью земли и светом миру.

Нет объятия, нет дружбы, нет братства глубже и сокровеннее. Почему? Потому что в этом случае нас объединяет, нас скрепляет (в том числе мужа и жену) то, что, как говорит блаженный Августин⁷⁴, ближе мне, чем я сам, то, что ближе тебе, чем ты сам, то, что ближе нам, чем мы сами, чем самые сокровенные наши глубины: полнота, ради которой сердце создано и которую дает ему Христос, Бог, Бог во Христе.

Такая интенсивность, такая глубина отношений побеждает смерть и разделение, которое смерть, кажется, вносит между нами, ведь речь о присутствии Воскресшего, Того, Кто нас воскрешает, Кто есть жизнь жизни, речь о присутствии Воскресшего, призывающего нас даже через смерть, через разлуку. Мое сердце влечет Тот же, Кто привлекает к Себе моего любимого человека в смерти, через смерть. Мое сердце влечет Тот же, Кто увлекает моего любимого человека к жизни вечной. *Смерть – таинственный знак окончательности нашего призвания, окончательный знак того, что мы, чтобы жить, нуждаемся лишь в Нем.* Если нас объединяет это, если нас объединяет эта реальность, объединяет на уровне сердца, а не ума, то даже в боли, которую человек неизбежно испытывает, мы соединены еще крепче – во Христе, в Жизни. Возможно, я сам еще должен проделать путь, должен еще проделать путь, как проделала его Марфа: ко Христу, а значит, и к сестре или к брату, но тот, кто больше пребывает в присутствии Христа, ближе мне, чем я сам, ближе к истине моего сердца, чем я сам...

Источник харизмы

Такое братство, передающее призыв присутствующего Христа, полноту сердца, есть миссия внутри и вне Церкви, миссия каждой общины, каждой церковной реальности. Задача Церкви – жить таким братством, и в этом же содержание любой харизмы. Если хорошо подумать, мы увидим, что, по сути, любая церковная харизма представляет собой особый способ, особое воплощение передачи между людьми призыва Христа, обращенного к их свободе, чтобы те, кого он охватил, вышли, подобно Марии из

⁷⁴ «Tu autem eras interior intimo meo et superior summo meo» – «Ты был во мне глубже глубин моих и выше вершин моих». (Аврелий Августин. *Исповедь*. III, 6, 11. Пер. М. Е. Сергеевко.).

Вифании, из своей безмолвной боли и достигли присутствия Воскресшего, наполняющего жизнью нашу жизнь.

Обновление харизмы всегда связано с возрождением внимания и приязнности к исходному опыту. Исток большой реки – не момент в прошлом, а непрерывное начало. Возвращаться к нему – значит не проделывать сотни, тысячи километров вверх по реке к истоку, а вновь осознавать, что вода, текущая здесь и сейчас, в настоящее время твоей жизни и жизни общины, неизменно подпитывается от истока, даже несмотря на то, что в нее всегда могут попасть загрязнения и сор, ведь мы люди, мы грешники и нас всегда гонят. Так было с самой первой христианской общины: к потоку Церкви примешивались грязные воды и сор. Однако вода, если она течет, течет из истока, и мы тоже призваны «течь» сейчас в русле реки, в которое вошли, с таким сознанием. Сознание о начале, об истоке, который сохраняется и обновляется в течении реки, в струении реки, помогает и распознать то, что не происходит из истока, и принять притоки, которые, слава Богу, существуют и усиливают речной поток, не мутя воду. Именно так Церковь «течет» сквозь века, как и любая харизматическая семья, рождающаяся в ее лоне, как церковное движение или древний монашеский орден вроде моего.

Важно не забывать, что каждая новая харизма, по сути, всегда является притоком, усиливающим течение великой реки Церкви, чей исток, чье начало – в пронзенном боку Распятого, в дуновении Воскресшего за запертыми дверями, в Пятидесятнице. Когда Церковь признает какую-то харизму своей, она делает это, признавая в ее течении по руслу великой реки Церкви воду из того же источника, ту же «живую воду», которая дала начало самой Церкви. Поэтому так важно, чтобы каждая харизма всегда позволяла Церкви проверять ее верность как началу харизмы, так и началу самой Церкви; а начало в конечном счете – всегда один лишь Христос воскресший, жизнь жизни мира.

Следование Иоанна

Поэтому-то мы всегда нуждаемся в харизме Петра, нуждаемся в Петре, чтобы он утверждал нас в вере и в верности истоку, потому что исток – Воскресший, и, несмотря на все свои колебания, на все свои человеческие падения, Петр с самого начала Церкви был привилегированным свидетелем воскресения, Христа как жизни, воскресения и жизни человека, свидетелем того, что Воскресший здесь и мы можем встретить Его и последовать за Ним. В ранней Церкви с самого ее начала снова и снова звучит

восклицание: «Воистину воскрес Господь и явился Симону!»⁷⁵ – и литургия повторяет его. Иисус сперва явился женщинам, явился ученикам из Эммауса, явился всем апостолам, но конечным гарантом воскресения всегда был прежде всего Петр, словно явление Петру удостоверяет, подтверждает все явления Воскресшего. И все, кому являлся Воскресший, шли, бежали к Петру, чтобы рассказать об этом (Магдалина, женщины, двое учеников из Эммауса – все они бегут рассказать Петру). И так по сей день. Все явления и действие Христа и Духа Святого, Которого Воскресший, дунув, дал ученикам, все харизмы (потому что харизма – жизнь Воскресшего в жизни Церкви, в жизни мира) – все верно, если подтверждено Петром в его опыте Христа живого и присутствующего.

Великая сцена «да» Петра из Евангелия от Иоанна (*Ин.* 21:15–19), по сути, описывает посвящение Петра в его пастырскую харизму, укорененную в троекратном смиренном исповедании любви ко Христу, за которым следует препоручение ему миссии – стать вселенским пастырем: «Паси агнцев Моих. <...> Паси овец Моих. <...> Паси овец Моих»⁷⁶. Все это происходит между Христом воскресшим и Петром, все это дело Воскресшего, и как Воскресший Иисус просит у Петра следовать за Ним: «Ты иди за Мною»!⁷⁷ Иисус провозгласил первенство Петра до воскресения, но именно после воскресения Он посвящает Петра в его миссию, делает его тем, к чему призывает, делает его для нас «сладчайшим Христом на земле», как определяла папу святая Екатерина Сиенская⁷⁸. Он присутствие Воскресшего на земле, гарантия присутствия Воскресшего на земле.

Иоанн, бывший, пожалуй, самым «харизматичным» среди апостолов, самым пронизательным, самым большим мистиком, самым большим пророком, самым пламенным в любви и дружбе со Христом, отнюдь не черпал во всем этом причины, чтобы чувствовать собственное превосходство; он понял, что, выбрав Петра первым, Учитель дал ему, Иоанну, верный путь, чтобы жить своей харизмой в следовании за Христом. Уже направляясь к Гробу в пасхальное утро, он, бежавший быстрее Петра, останавливается и ждет. Почему? Потому что хочет войти во Гроб *вслед* за Петром, хочет верить в рамках следования, как он научился, следуя за Иисусом. И в конце его Евангелия мы видим, как, когда Иисус отдалется с Петром, которого Он просит следовать за Ним, Иоанн следует за

⁷⁵ Лк. 24:34.

⁷⁶ Ср. *Ин.* 21:15–17.

⁷⁷ *Ин.* 21:22.

⁷⁸ *Письмо Григорию XI* (185) // Екатерина Сиенская. *Письма*. М.: Ладомир: Наука, 2013. С. 9.

ними. То есть он следует за Петром, следующим за Иисусом; *он следует за следованием Петра*.

«Петр же, обратившись, видит идущего за ним ученика, которого любил Иисус и который на вечери, приклонившись к груди Его, сказал: Господи! кто предаст Тебя? Его увидев, Петр говорит Иисусу: Господи! а он что? Иисус говорит ему: если Я хочу, чтобы он пребыл, пока приду, что тебе до того? ты иди за Мною»⁷⁹.

Иисус словно говорит: «Не беспокойся о том, что будет с ним, с его харизмой. Я Сам позабочусь о том, чтобы его харизма всегда пребывала в Церкви вплоть до парусии! Довольно, чтобы ты видел, что он следует за тобой, следующим за Мной. Довольно этого, чтобы его харизма, а с ней и вся Церковь, была плодотворной, приносила плод во славу Мою и ради спасения мира».

Для каждого из нас тут важно, что привязанность к Петру позволила Иоанну верить, быть твердым в вере во Христа воскресшего, отвечать, подобно Марфе, на вопрос Иисуса «Веришь ли ты сему?» не столько словами веры, сколько позицией его «я», непоколебимо привязанного к Господу. Войдя во Гроб вслед за Петром, Иоанн «увидел и уверовал»⁸⁰. Он пережил опыт благодати веры, опыт охваченности событием воскресения, присутствием Воскресшего, и понял, что благодать эта была связана со следованием за Петром. Поэтому с того момента и впредь и в явлениях Воскресшего, как, например, на Тивериадском озере, и в миссии, описанной в Деяниях, мы всегда видим Иоанна, следующего за Петром, переживающего вместе с ним опыт Воскресшего, опыт Христа – жизни жизни. Чудеса, вознесение – все он совершает, будучи привязанным к Петру. И это позволит Иоанну своей харизмой подпитывать служение Петра, помогать ему признавать Воскресшего, как когда после чудесного лова рыбы он говорит ему: «Это Господь!»⁸¹ Тут уже *Петр послушен харизме Иоанна*, потому что тот помогает ему признать присутствие Воскресшего, к Которому он устремляется первым, бросившись в воду, чтобы и все другие могли еще раз и всегда следовать за ним к Иисусу.

Я говорю это, поскольку живание в Евангелие помогает нам ориентировать относительно события Христа воскресшего нашу жизнь, происходящее, обстоятельства, в которых мы оказываемся, – словом, все. И это не упражнение в фантазии, не сон с открытыми глазами, ведь в Церкви, в Таинствах, в Евангелии Христос воскресший продолжает

---

⁷⁹ *Ин.* 21:20–22.

⁸⁰ *Ин.* 20:8.

⁸¹ *Ин.* 21:7.

пребывать как событие настоящего, а значит, Его можно по-настоящему встретить, Ему можно уподобиться, можно отождествиться с Ним и тем самым обрести правильную жизненную позицию. Правильную позицию, которая, вводя нас в событие Пасхи Христовой, есть позиция радостная, уверенная, плодотворная, исполненная мира и симпатии ко всему человечеству, жаждущему вести о том, что Воскресший здесь и зовет всех ко спасению в общении с Ним, жизнью нашей жизни и Милосердием Отца.

То, что способно выстоять в кораблекрушении

Последние сцены Деяний, замечательно изложенные святым Лукой, рассказывают о путешествии апостола Павла в Рим и о его прибытии в Вечный город, где он проведет два года под домашним арестом, ожидая, когда его дело будет представлено на императорском суде. Последнее упоминание о нем в Деяниях сводится к двум стихам: «И жил Павел целых два года на своем иждивении и принимал всех, приходивших к нему, проповедуя Царствие Божие и уча о Господе Иисусе Христе со всяким дерзновением невозбранно»⁸².

Даже в заключении, в ожидании суда, преследуемый иудеями и зависимый от медлительной римской бюрократии (которая за две тысячи лет не слишком улучшилась!), Павел – свободный человек, свободно принимающий всех и свидетельствующий о событии Христа, перевернувшем его существование. Павел свободен от страха. Он никуда не может двинуться, но ничто не сковывает его желание нести другим встреченный им смысл жизни, потому что он придает смысл даже страданиям и смерти. Вся свобода Павла заключена в его сердце, ибо состоит в вере, в надежде и милосердной любви, для обладания которыми достаточно одного лишь «да» бедного сердца, не посягающего на обладание чем-либо, что не исходит от Бога. Павел свободен, поскольку не нуждается ни в чем, кроме Христа, а Христос с ним, живет в нем. Он, если вернуться к словам Монтини, принял Пасху как «провозглашение нашей потребности во Христе – нашей жизни».

Я думаю о свидетельстве множества мужчин и женщин, которые своей верой и привязанностью ко Христу, так сказать, преодолели кораблекрушение изнутри, посреди волн, уничтожавших все, преодолели позицией своего сердца, целостностью своего «я», полностью укорененного во Христе.

---

⁸² Деян. 28:30–31.

Апостол Павел в этих сценах напоминает нам о великих святых, с которыми мы знакомимся сейчас. Я думаю о кардинале Ван Тхуане в годы его тюремного заключения или о Такаси Нагаи, японском медике, чья автобиография *Ciò che non muore mai* («То, что никогда не умирает»), рассказывающая о его жизни вплоть до взрыва атомной бомбы, надеюсь, скоро выйдет в свет вслед за его же *Pensieri dal Nyokodō* («Мысли из Нёкодо») – прекрасными размышлениями, написанными в его маленькой хижине после разрушения Нагасаки. Эти тексты – свидетельство человека, жизнь которого – Христос, один лишь Христос. Поэтому, даже когда он потерял все, когда все было разрушено, Такаси, подобно вновь расцветающему хрупкому растению, благодаря своей вере во Христа начинает новую жизнь – не только для себя, но и для всех.

Отрывку, повествующему о размеренном существовании апостола Павла в Риме, почти непосредственно предшествует трагический опыт, ужасное путешествие. Павел, направляясь из Кесарии в Рим, попал в кораблекрушение в Средиземном море. Лука, бывший с ним, рассказывает все от первого лица множественного числа, предлагая нам хронику событий, достойную внимательнейшего репортера и, пожалуй, талантливейшего автора приключенческих романов.

Однако рассказ о кораблекрушении – не только одна из возвышенных страниц литературы и документ об искусстве мореплавания в греко-римскую эпоху. Это страница Святого Писания, провозглашающая взгляд веры на историю и ее трагедии и позволяющая нам лучше истолковывать и проживать то, чем мы живем сегодня в нашей жизни и в любой среде, дающая нам свет, по которому мы можем ориентироваться, чтобы проживать любое обстоятельство как возможность возрастания в том, что действительно достойно человеческой жизни.

На корабле, сначала дрейфующем, а затем терпящем крушение неподалеку от Мальты, Павел, даже будучи узником, главенствует в сложившейся ситуации и становится своего рода *режиссером спасения всех*. Прочитаю вам эту страницу. На фоне усилий, которые вы прилагаете, чтобы слушать меня, она будет отдыхом, ведь это повесть о приключениях, очень богатая и говорящая о настоящем времени.

«На другой день, по причине сильного обуревания, начали выбрасывать груз, а на третий мы своими руками побросали с корабля вещи. Но как многие дни не видно было ни солнца, ни звезд и продолжалась немалая буря, то наконец исчезала всякая надежда к нашему спасению. И как долго не ели, то Павел, став посреди них, сказал: мужи! надлежало послушаться меня и не отходить от Крита, чем и избежали бы сих затруднений и вреда

[он тут немного похож на Марфу!]. Теперь же убеждаю вас ободриться, потому что ни одна душа из вас не погибнет, а только корабль. Ибо Ангел Бога, Которому принадлежу я и Которому служу, явился мне в эту ночь и сказал: „не бойся, Павел! тебе должно предстать пред кесаря, и вот, Бог даровал тебе всех плывущих с тобою“. Посему ободритесь, мужи, ибо я верю Богу, что будет так, как мне сказано. Нам должно быть выброшенными на какой-нибудь остров. В четырнадцатую ночь, как мы носимы были в Адриатическом море, около полуночи корабельщики стали догадываться, что приближаются к какой-то земле, и, вымерив глубину, нашли двадцать сажен; потом на небольшом расстоянии, вымерив опять, нашли пятнадцать сажен. Опасаясь, чтобы не попасть на каменистые места, бросили с кормы четыре якоря, и ожидали дня. Когда же корабельщики хотели бежать с корабля и спускали на море лодку, делая вид, будто хотят бросить якоря с носа, Павел сказал сотнику и воинам: если они не останутся на корабле, то вы не можете спастись. Тогда воины отсекали веревки у лодки, и она упала. Перед наступлением дня Павел уговаривал всех принять пищу, говоря: сегодня четырнадцатый день, как вы, в ожидании, остаетесь без пищи, не вкушая ничего. Потому прошу вас принять пищу: это послужит к сохранению вашей жизни; ибо ни у кого из вас не пропадет волос с головы. Сказав это и взяв хлеб, он возблагодарил Бога перед всеми и, разломив, начал есть. Тогда все ободрились и также приняли пищу. Было же всех нас на корабле двести семьдесят шесть душ»⁸³.

Мы должны размышлять над этой сценой, думая о наших собственных кораблекрушениях, о кораблекрушениях нашего времени, от пандемии до войны на Украине, со всеми вытекающими политическими, экономическими, социальными, психологическими и даже религиозными потрясениями. Мы должны размышлять над этой сценой, думая о более личных, семейных или общинных кораблекрушениях, затрагивающих нас или наших близких и друзей.

Корабль Павла – символ мира, общества, на котором мы плывем, направляясь к судьбе, уготованной каждому из нас. И вот Павел замечает, ему открывается, что все его спутники не чужды его личной судьбе, пути его жизни, следующей за Христом. Ему открывается, что Бог спасет всех вместе с ним, что Он не спасет его без этого народа, совершенно не ведающего Христа, ничего о Нем не знающего. Павел понимает: именно ради спасения их всех Господь сподвиг его следовать за Ним на этом корабле, терпящем крушение. И тогда Павлу становится ясно, что он должен

---

⁸³ Деян. 27:18–37.

передать всем свою уверенность, передать всем, что он уверен, поскольку привязан ко Христу, что он чуток к потребностям жизни, к голоду своих товарищей, поскольку его голод утоляет Христос присутствующий, его сердце напитано тем единственным Хлебом жизни, в котором мы действительно нуждаемся.

Павел не читает громких проповедей, чтобы обратить всех терпящих кораблекрушение, отчаявшихся в жизни. Он сам хватается за присутствие Того, Кем он стоит. Он спокоен и радостен, в нем нет ни капли страха, ведь ему достаточно Иисуса, Воскресшего, давшего ему Себя вплоть до смерти ради него и ради всех, сделавшегося Телом и Кровью в пищу и питье среди крушения, чтобы питать нашу жизнь Своей жизнью.

Живя этим, Павел замечает с изумлением, к которому нельзя привыкнуть, что Христос, питая его, питает всех, Христос, спасая его, спасает всех, *Христос, жизнь его жизни*, как раз потому, что Он жизнь его жизни, *есть жизнь всех*.

И нет уже ни одного человека на земле, который не был бы ему навеки братом!

Послушаем молитву *Regina Caeli* в исполнении хора.

Воскресенье, 1 мая, утро

На входе и выходе:

Николай Римский-Корсаков. Воскресная увертюра «Светлый праздник», ор. 36

Эрнест Ансерме – Оркестр романской Швейцарии

«*Spirto Gentil*», п. 29, Decca

Ангел Господень

Утренняя

■ СОБРАНИЕ

Давиде Проспери. Мы подошли к концу, к заключительной части наших упражнений, ставших, должен сказать, настоящим поводом для благодарности за момент, который мы переживаем, и за вопросы, которые у нас возникли. И действительно, «благодарность» – главное слово в письмах, пришедших вчера по электронной почте: благодарность за свидетельство отца Мауро, благодарность за упражнения, благодарность за то, что мы все еще вместе, что до сих пор существует Движение. Это не само собой разумеется, все это есть, поскольку так угодно Богу; если бы Он не хотел, ничего из этого уже бы не осталось. Мы приехали сюда (как мы говорили в первый вечер) с многочисленными вопросами и тревогами, личными и общинными, касающимися жизни Движения, ситуации, в которой мы живем, мира, войны, боли и страданий, но произошедшее, то, в чем мы участвовали, заполнило все пространство нашего сердца, оттеснив остальное в угол и, более того, пролив на остальное новый, неожиданный свет и принеся умиротворение (по крайней мере так случилось для меня).

В связи с этим я хотел бы вернуться к одной мысли, высказанной отцом Мауро вчера: «„Я есмь воскресение и жизнь; верующий в Меня, если и умрет, оживет. И всякий, живущий и верующий в Меня не умрет вовек“». В этом, лишь в этом мы нуждаемся, нуждаются все люди. Лишь это единственно необходимо. Мы нуждаемся в жизни, которая воскрешала бы нас от смерти, от всякой смерти, от всякого облика смерти и зла в нашей жизни, в семье, в общине, во всем мире. Все остальное – тысячи вещей, заботящих нас, вызывающих в нас тревогу, но не необходимых, поскольку они никогда не отвечают на истинную нужду сердца, каждого сердца»⁸⁴.

⁸⁴ См. здесь. С. 39.

Спросим себя, как спросил себя я: почему это произошло? Как стало возможным произошедшее в эти дни? В чем заключается данное нам свидетельство?

У Пеги есть замечательное высказывание: «Когда ученик только повторяет, только и делает, что повторяет даже не то же звучание, а лишь жалкую кальку с мысли учителя; когда ученик – всего лишь ученик, он, будь он даже величайшим из учеников, ничего не порождает. Ученик начинает что-то творить, когда сам вносит новое звучание (то есть когда он уже больше не ученик). Не то что учителя не нужны, но человек должен происходить от другого естественным путем сыновства, а не возвращаться схоластическим путем»⁸⁵. В 1989 году отец Джуссани комментировал этот отрывок следующими словами: «Вот в чем нуждается наша компания, чтобы быть источником миссии во всем мире: не в ученичестве, не в повторении, а в *сыновстве*. Вносить эхо и новое звучание приличествует именно сыну, обладающему природой отца. У него та же природа, но это новая реальность. Действительно, сын может пойти дальше отца, а отец может радостно смотреть на сына, который его превзошел. Но то, что делает сын, больше как раз исключительно тогда, когда в большей мере осуществляет то, что чувствовал отец. И поэтому нет большего противоречия для живой органичности нашей компании, чем, с одной стороны, утверждение собственного мнения, собственной меры, собственного чувствования, а с другой, чем повторение. Порождает сыновство: кровь одного человека, отца, течет в сердце другого, сына, и порождает способность иного осуществления. Так умножается и расширяется великая тайна Его присутствия, чтобы все увидели Его и воздали славу Богу»⁸⁶.

Думаю, в эти дни у нас была возможность переживать такой опыт: опыт того, что значит быть чадами. И за это мы тебя благодарим.

Мы получили множество вопросов и выбрали некоторые из наиболее часто встречающихся.

«„Одно только нужно“. И все же это единственное необходимое постоянно пребывает на заднем плане, забытое и в конечном итоге не слишком любимое, знакомое, а порой и сомнительное. Как позволить Присутствию стать нам близким, присутствующим, настоящим, как позволить ему конкретным образом подпитывать нашу жизнь?»

«Если достаточно Христа, то что такое все остальное? Голод, желание, работа, политика, страсти, чувства, война. Что такое все это?»

⁸⁵ Cp. Ch. Péguy. *Cahiers*. VIII, XI [3.2.1907].

⁸⁶ L. Giussani. *L'avvenimento cristiano*. Milano: Bur, 2003. P. 50.

О. Мауро Джузеппе Лепори. Как присутствие становится близким? Мне вспомнился брак в Кане: туда пригласили и Иисуса. Мы как бы приглашаем войти в нашу семейную жизнь, в близкие отношения нашей жизни, и, конечно, приход Иисуса – это плод свободы того, кто приглашает, но это и дар. Те люди не сознавали, кого приглашают, приглашая Иисуса на брак, но, если бы Он не пришел, вино бы закончилось, вода осталась бы водой, семейная жизнь той пары, наша семейная жизнь, наша повседневная жизнь по-прежнему была бы тем, чем и была: реальностью, которая исчерпывает себя. Поэтому так важно понять, что Христос с невероятной легкостью принимает приглашение (Его пригласить гораздо проще, чем генерального настоятеля ордена!), ведь Он уже стоит у дверей. Мы приглашаем Его, но Он уже стоит у дверей нашей жизни, чтобы постучать в них, Он уже здесь. Достаточно одного «да» свободы, говорящей Ему: «Проходи!» («Вперед, смелей!»⁸⁷ – пели мы в песне) – и это «Проходи!» обращено именно ко Христу. Достаточно только этого «да», поскольку, если бы для того, чтобы Его присутствие стало нам ближе, требовалось нечто более сложное, чем «Приди!», мы предали бы безвозмездность этого Присутствия, тогда как Оно – чистый дар.

«Если достаточно Христа, то что такое все остальное? Голод, желание, работа, политика, страсти, чувства, война. Что такое все это?» Все это жажда Христа, все это конкретное воплощение крика, нужды в Нем, жажды Его, пустоты, образующейся в жизни, когда Его в ней нет. И поэтому я, обнимая Христа, не отвергаю все остальное, не говорю, что остальное ничто, но еще увереннее утверждаю, что все это стремится быть, стремится по-настоящему наполниться реальностью. Если я не обнимаю Христа, если не позволяю Ему войти в мой дом, мой дом остается пустым и все теряет смысл: стол, стул, всё. Признание, что все устремлено к Нему, делает каждое мгновение нашей повседневной жизни местом проверки Его присутствия, того, что Он здесь.

Проспери. «Ты говорил, что между учениками есть единство, потому что Христос – всё для сердца человека. Иногда в общинах желание единства рискует превратиться в теорию, как что-то, чего нужно достичь, что нужно выстроить нашими силами, отвернувшись от события Христа, а значит, переживая „теплым“ образом встречу с другим и его опытом».

Лепори. Мы должны принять тот факт, что наше единство есть дело Другого, Присутствия, это не то, что, подобно мосту, мы сами возводим

⁸⁷ F. Ferrari («Zot»). *Avanti, forza.*

между нами, это не соглашение, его порождает Другой. Это всё для опыта Церкви и для опыта экуменизма: вновь и вновь осознавать, что не мы творим наше единство, оно наступает, когда мы признаем Его среди нас, признаем, что Он здесь.

Сказанное касается всего: мы не должны сами творить присутствие Христа, его нужно признавать. Когда мать Тереза говорила о необходимости признавать Христа в бедных, она не имела в виду, что человек усилием воли говорит: «Этот оборванец или прокаженный – Христос»: ему нужно признать, что Христос пребывает в бедном, являет Себя в бедном, идет ему навстречу в бедном и в каждом его брате или сестре. Так возникает единство со всеми и со всем, и оно бесконечно, ведь в другом я признаю Того, в Ком по-настоящему нуждаюсь. Святой Бенедикт говорит: «Когда приходит странник, бедный, ему надобно выйти навстречу и воздать в нем поклонение Христу»⁸⁸, то есть признать Его присутствующим в другом человеке, признать, что Он грядет, что Он здесь, что Он является онтологической реальностью. И в этом всё, всё содержание милосердной любви, общения – всё в признании того, что присутствие Христа онтологично, и я призван не вызывать Его, как духа, а признавать в настоящем и, признавая, свидетельствовать о Нем.

Проспери. «Ты определил молчание как главную дорогу, позволяющую подступить к беспорядку в нашей жизни. Что значит для тебя ежедневное молчание? Как мы, миряне, с головой погруженные в мир, можем приучать себя к этой практике, чтобы и мы слушали Учителя, когда Он говорит?»

Лепори. Быть в молчании – значит, прежде всего, признавать, что молчание творим не мы, молчание творит Христос, говорящий с нами. Есть лишь одно Слово, которое стоит слушать (как сказано в книге «О подражании Христу»: «От единого Слова всё, и все говорит о едином...»⁸⁹), и потому я пребываю в молчании. Если я знаю, что должен слушать лишь одно Слово, то стремлюсь слушать исключительно его: это и есть молчание.

Думаю, в рамках каждого призвания, в каждом образе жизни нужно найти, нужно проживать свою форму молчания, свою форму слушания Христа, а также свою дисциплину слушания Христа. Пусть каждый спро-

⁸⁸ Ср. *Устав святого Бенедикта*. 53, 1–7.

⁸⁹ «Ex uno Verbo omnia et unum loquuntur omnia, et hoc est Principium quod et loquitur nobis» – «От единого Слова всё, и все говорит о едином и в нем Начало, глаголющее нам» (Ф. Кемпийский. *О подражании Христу*. Книга первая, гл. III, 2 [11]. Пер. К. П. Победоносцева).

сит себя: «Что помогает мне непрестанно слушать Христа, какое действие, какой момент, какая дисциплина учит меня всегда оставаться открытым и раз за разом преодолевать мою рассеянность, мой шум, мою болтовню, все?» Слушание Его, Его, присутствующего здесь и говорящего со мной. «Это Я, Который говорю с тобою»⁹⁰, – сказал Иисус самарянке. МONSENYOR Филиппо Санторо говорил о десяти минутах школы общины в день. Пожалуй, это и есть «да» слову и молчанию, которое требуется от тех, кто живет в миру, от мирян. У членов *Memores Domini* просят один час молчания в день, монахи могут провести в молчании и весь день, но это то же самое, ровным счетом то же самое. Цель не в том, чтобы быть молчаливыми, цель – жить, слушая Христа. Я сейчас почти не живу на постоянной основе в монастыре, со всем его молчанием, со всей дисциплиной молчания, предлагаемой там, однако я сознаю, что дисциплину я взращивал со времен новициата, с тех пор, как я был молодым монахом, и потом на протяжении двадцати шести лет в моем монастыре; оно сопровождает меня внутри меня, и я слушаю Христа даже посреди шума, даже в путешествиях, в аэропортах, потому что это моя нужда. Тот, кто выслушивает хотя бы одно слово Христово, действительно исходящее от Него, не в состоянии жить иначе, как испытывая тоску и желая вновь услышать, как Он говорит. «Думаю, я не смог бы дальше жить, если бы больше не слышал Его»⁹¹. Отсюда рождается молчание, и мы в нем нуждаемся! Мы нуждаемся не в молчании, а в том, чтобы Христос говорил с нами!

Проспери. «Марфа проделала путь сознания, работу над собой, которая распахнула ее человечность в уверенности, что Христос – ответ на ее нужду. Из каких шагов состоит этот путь, в чем заключается эта работа? Если наша человечность распахивается со временем, из чего я могу понять, что совершаю работу и не слеую в очередной раз за самим собой?»

«В лекциях ты подчеркивал решающую роль проверки, которую Марфа, Мария и Лазарь совершают в отношении встречи с Иисусом и Его слов. Можешь лучше объяснить, что это за проверка, в чем она заключается?»

Ленори. Я бы сказал, что, чтобы пройти путь Марфы, достаточно было бы спросить себя: как я поступаю с неудовлетворенностью, которую испытываю? Как я поступаю с неудовлетворенностью, которую испытываю во

⁹⁰ Ин. 4:26.

⁹¹ Cf. J. A. Möhler. *L'unità nella Chiesa, cioè il principio del cattolicesimo nello spirito dei Padri della Chiesa dei primi tre secoli*. Roma: Città Nuova Editrice, 1969. P. 71.

всех моих делах, в том числе и в том, от чего я ожидаю удовлетворения, и, возможно, оно даже длится, но всегда – всегда! – подтверждает, что «не для этого, не для этого!», как восклицал Ребора⁹². Как мы поступаем с повседневной неудовлетворенностью, которую испытываем во всем, во всех отношениях, во всех наших делах? Выражаем ее в непрекращающихся жалобах, выходящих в нашей жизни на первый план, или же превращаем в просьбу, в место молчания, где мы проверяем, что нашу жизнь наполняет Другой, что мы нуждаемся в том, чтобы произошло что-то другое? Итак, неудовлетворенность становится нам учителем, если побуждает просить, если жизнь наполняется просьбой. Я представляю, что Марфа с того дня и впредь всякий раз, когда ее вновь охватывала неудовлетворенность собой, или другими, или жизненной ситуацией, словно внезапно останавливалась и говорила самой себе: «Ну нет, я же видела, что жалобы – не лучший способ обращения с неудовлетворенностью». Жалобы не соответствуют нам, поскольку они только усиливают неудовлетворенность, а мы не сотворены для неудовлетворенности, мы сотворены для счастья. И тогда наверняка в ней сразу же вновь поднималась просьба, просьба, обращенная ко Христу: «Господи, Ты здесь, позови меня, повтори Твое слово, докажи мне вновь, что лишь Ты один мне нужен!» Так неудовлетворенность перерастает в путь, то есть структурное ограничение нашей жизни превращается в лестницу, в ступени нашего восхождения. Как говорит святой Бенедикт, лестница смирения выстраивается из ступеней нашей человечности, и человек поднимается к Богу именно по ступеням собственной человечности, никогда, слава Богу, не самодостаточной.

«В лекциях ты подчеркивал решающую роль проверки, которую Марфа, Мария и Лазарь совершают в отношении встречи с Иисусом и Его слов. Можешь лучше объяснить, что эта за проверка, в чем она заключается?» Община помогает мне, становится местом проверки, если постоянно повторяет фразу Марфы, сказанную Марии: «Учитель здесь и зовет тебя». Мы объективно нуждаемся в общине как в месте, где всегда есть кто-то, кто напоминает мне об этом, где всегда есть кто-то, кто, когда я живу, жалуясь, когда я потерян, когда я растрчиваю жизнь, позволяет мне вспомнить, что то, чего желает мое сердце, действительно присутствует в настоящем. Община указывает, что Присутствие онтологично, потому что это что-то отличное от меня, она напоминает мне, что не я творю необходимое мне, Христа, Который мне необходим: необходимое дано мне в рамках объективного знака, во плоти. Иисус так решил, чтобы дать нам объективный знак Его реального присутствия. И если я так живу в общине и в отноше-

⁹² C. Rebor. *Sacchi a terra per gli occhi* // C. Rebor. *Le Poesie*. Milano: Garzanti, 1988. P. 141.

ниях с другими людьми, сами отношения становятся проверкой того, что Христос наполняет сердце.

Проспери. Возможно, ты уже ответил и на следующий вопрос: «Что значит, что общение есть разделение друг с другом проверки?» Кроме того, если позволите, то, о чем ты говорил, что ограничение – это ступень к Богу, неоднократно повторял нам отец Джуссани. И это свидетельствует о том, что наша история является частью великой истории.

Ленори. Меня впечатляет, что, Иисус, говоря Марфе: «Твоя сестра избрала лучшую часть», – не пытался сказать ей: «Смотри, она лучше тебя». Он сказал ей это, чтобы они с сестрой помогали друг другу избирать лучшую часть, чтобы она могла общаться со своей сестрой определенным образом, чтобы в их отношениях они проверяли именно это, то есть Он создал между ними истинное братство, истинную общину, Он сделал их христианским братством, местом, где тот факт, что моя сестра избирает большее, лучшее, чем я, избирает самое необходимое для меня, – этот факт позволяет мне переживать истинное братство и превращает отношения с моей сестрой из места соперничества в место взаимного разделения Христа, совместной проверки того, что лишь Он отвечает на жажду сердца. И то, что моя сестра опережает меня в этой проверке, – дар для моей жизни, позволяющий и мне продвигаться вперед. В этом и состоит великая красота христианского общения, как в первой христианской общине: у них действительно все было общее. Важно, однако, иметь общими не деньги (это тоже), но Христа, Христа как Того, Кто важнее денег, и поэтому для первых христиан не стояла проблема разделения денег, ведь их объединяло то единственное, в чем нуждается сердце.

Проспери. Прости, Мауро, я попрошу тебя остановиться на этом подробнее, поскольку в этом вопросе содержится, пожалуй, и просьба о помощи с тем, как, подобно Марфе, позволить сместить нас с нашей позиции. Ты сейчас говорил: Марфа признает, что слова Иисуса, обращенные к ней, подсказывают ей смотреть на то в сестре, что поможет и ей расти. И она пользуется этим советом, как ты подчеркнул вчера: сначала, вероятно, ей было трудно, и она даже злилась, но потом... Нам порой нелегко позволить кому-то сдвинуть нас с нашей позиции, мы привязаны к идеям о том, как все должно быть.

Ленори. Да, и дело, наверное, в унаследованном нами первородном грехе: мы думаем, что самое дорогое нужно «урвать для себя», присвоить, и если не обладаем этим единолично, то, значит, не обладаем по-настоящему. С Христом же все происходит наоборот. Чем больше я обладаю Им вместе с другим человеком, чем больше разделяю Его с другим человеком, тем больше я обладаю тем, чем Он является. Вот почему единство между нами, принадлежность ко Христу и обладанием Христом – одно. И человек понимает, что, жертвуя чем-то, чтобы другой мог идти в своем ритме, чтобы уважить путь другого, он и сам продвигается вперед. Святой Бенедикт говорит: в общине нужно придерживаться такого ритма на пути, при котором сильнейший не будет сломлен своим порывом, но и слабейший не отчаётся и не отстанет. Тут нужна обоюдная жертва. Почему? Потому что мы знаем: нас объединяет одно и то же, а значит, усилие, необходимое, чтобы я признал ритм других людей и подстроился под него, – это усилие, которое я должен сделать, чтобы прилепиться ко Христу; не ради того, чтобы быть добрее или терпеливее, а ради Христа, присутствующего среди нас. Не знаю, понятно ли это.

Проспери. Очень понятно! Спасибо.

«Нам хотелось бы лучше понять утверждение о том, что святой переживает в истине даже собственный грех. В повседневной жизни грех часто удручает нас и вгоняет в уныние. Что значит переживать его в истине?»

Ленори. Истина о грехе, о том, что мы грешники, – милосердный взгляд Иисуса. Именно он открывает нам истину о грехе. Истинен не грех сам по себе. Проблема в том, что перед лицом греха мы начинаем измерять его, его тяжесть, его влияние на нас и т. д., не позволяя, однако, взгляду Христа сказать нам истину о грехе. И возможно, он в действительности еще тяжелее, истина о нем может оказаться куда больше, чем в моих представлениях (например, некоторые грехи серьезнее тех, что меня сильнее раздражают). Но истина о грехе – взгляд Христа, Его милосердие. Как раз это и понимают святые: они грешники, позволившие взгляду Христа открыть им истину о грехе, о всяком грехе, и потому они видели в себе больше теней, больше ничтожества, чем другие, но смотрели на них, не отрывая их от прощения, а следовательно, и от святости, поскольку святыми становятся по благодати, потому что Бог всецело искупает человека. Святой – человек, получивший полное искупление, позволивший искупить себя полностью, а значит, это человек смиренный, тот, кто даже со своим грехом не связан отношением гордыни («Я ошибся! Я низко пал! Где же моя честь? Где мое лицо?»). Нет, грех это: «Я ошибся,

я оставил Отца!» – а Христос говорит: «Возвращайся!» Милосердный взгляд Христа говорит: «Вернись, и Отец обнимет тебя, и в Его объятии твой грех превратится в святость». Об этом поется в пасхальном воззвании *Exultet*: «О счастливая вина, заслужившая столь славного Искупителя!»⁹³ Искупление Христа – событие настолько невероятное, что вина, позволяющая мне переживать милосердное объятие Бога, опыт объятия, неведомый ангелам, – это счастливая вина. Уму непостижимо, но ангелы не имеют опыта милосердия! Конечно же, они о нем знают, но у них нет опыта милосердного объятия, и это что-то запредельное! Вот великая истина о нашем грехе.

Проспери. «Ты сказал, что обновление харизмы состоит в возвращении к истокам. Что это значит, как это происходит? Как не свести его к нашим интерпретациям?»

«Просим подробнее остановиться на истоке, который продолжает подпитывать наш опыт сегодня, чтобы мы не сводили его к ностальгическому возвращению в прошлое. Что гарантирует верность истоку и как становится конкретным наш вклад в жизнь Церкви и мира?»

Ленори. Вы знаете, что харизма означает безвозмездный дар Бога и что источник харизмы – безвозмездность Бога. Понимая это, человек понимает, что источник надежен, он никогда не иссякнет, он не может иссякнуть. Если бы Бог отказался от Своей безвозмездности, Ему пришлось бы как бы упразднить Самого Себя, умертвить Самого Себя. Бог, говорит апостол Павел, не сожалеет о дарах, ибо Он не может сожалеть о безвозмездности, ведь Он Сам – безвозмездность. Харизма, как и все дары, происходит из этого источника, и это важно в моменты, когда харизма должна вновь осознать саму себя; или когда люди, через которых она передается, демонстрируют свою косность или уже не так открыты, как должны бы быть (с первых времен Церкви в ней не хватало открытости перед безвозмездным даром Пятидесятницы); или она не понята, и потому к ней относятся, на нее смотрят, не видя источника. Во все эти моменты важно, чтобы тот, кто живет харизмой, вернулся к сознанию, что исток – безвозмездный дар Бога. Проблемы начинаются, когда мы думаем, что истоки харизмы – в истолкованиях, в моих мыслях, в моем образе жизни, в том, что понял я, в том, как жил я, а не в этой открытости перед безвозмездным даром Бога, который в начале был более очевидным и живым свидетельством которого остаются основатели. Даже

⁹³ «O felix culpa, quae talem ac tantum mēruit habēre Redemptōre. Пасхальное воззвание *Exultet*.

после их смерти свидетельство о безвозмездности харизмы остается, не тускнеет, не утрачивает свежести. И важно, чтобы мы не предавали их свидетельство.

Думаю, прежде всего мы предаем безвозмездность харизмы, когда боимся, что она умрет, исчезнет, что что-то способно упразднить ее или что наша последовательность должна гарантировать ее существование. На самом же деле Бог (слава Богу!) удивляет нас, всегда указывая на существование безвозмездного истока, который потом, возможно, изливается в самые немислимые ручейки: иногда самые немислимые люди в один прекрасный момент становятся свидетелями безвозмездности харизмы в гораздо большей мере, чем те, кто стоит во главе. То же случается и в Церкви: есть святые, которые немислимым образом возвращают Церковь к чистоте ее истока. Так было во времена святой Екатерины Сиенской, простой, безграмотной женщины, ставшей большим свидетелем безвозмездности харизмы, чем вся Церковь, чем папа. И папа прислушивался к ней. Вот эту тайну мы и не должны предавать: безвозмездность источника харизмы. Мы не должны предавать ее нашими страхами и нашим недоверием по отношению к Богу, к Церкви, к самим себе, к определенной группе. Недоверие замутняет ощущение безвозмездности харизмы, потому что в этом случае мы в действительности предаем и основателя, того, кто ради харизмы отдал жизнь, кто отдает ее сегодня, отдает, чтобы харизма жила.

Проспери. Спасибо.

«Ты сказал, что ответ Марфы, полный веры, она не должна была искать в себе, ее вера не зависела от ее способностей: в ней отражалось то, что Марфа видела. Нам же кажется, что вера зависит от нас, что это наше усилие. Что может помочь нам пережить опыт Марфы?»

Ленори. Нужно смотреть на Иисуса. Вера возрастает в единении со Христом. Вера есть присоединение ко Христу. Я помню, как в самом начале (я еще учился в старших классах) была в ходу книжка Жака Леклерка, откуда мне запомнилась следующая фраза: «Сердцевина веры – единение со Христом»⁹⁴, – и это правда. Мне очень нравится сцена, где Марфа выражает свою веру, глядя на Христа, эхом повторяя, Кто такой Христос и что Он говорит ей о Себе. Это не попугайское повторение, а повторение, полное любви, понимания, что вера не догма, которую я пересказываю, а мое «да»

⁹⁴ J. Leclercq. *Il problema della fede e gli intellettuali del XX secolo*. Milano: Vita e Pensiero, 1966. P. 10.

Христу, смотрящему на меня и открывающему мне, что Он воскресение и жизнь моей жизни. Поэтому мы должны смотреть на Христа, смотреть на Него в том числе и между нами, в нас, в общине, в каждом воплощении Его присутствия, ведь именно там мы видим, что Он есть, что Он воистину Спаситель мира. Так самарянка дошла до веры именно в диалоге с Иисусом, заставившим ее копнуть до самой глубины ее жизни, чтобы в конце концов сказать ей: «Это Я, Который говорю с тобою, спасаю тебя»⁹⁵. То же самое происходит во всех евангельских встречах: мы всегда видим взгляд на Христа, наполняющий людей верой, истинной верой, так что и самарянка идет в город и говорит: «Я встретила Человека, Который сказал мне это». Иными словами, она свидетельствует о вере, еще незрелой, но она свидетельствует о ней. И это касается всех: вера возрастает в опыте события, а событие, опыт которого должна переживать вера, – присутствие Христа, смотрящего на тебя, любящего тебя и спасающего тебя.

Проспери. «У меня складывается впечатление, что существует путаница, из-за которой мы отождествляем следование за Христом с тем, что нужно делать. Что такое следование на самом деле? Как я могу понять, действительно ли я в моей жизни слеую за Христом или же я слеую за моей идеей о следовании за Христом? Могу ли я переживать следование, не участвуя в тех делах, которые предлагает мне компания? Почему для веры Иоанна необходимо было войти во Гроб после Петра, почему ему необходимо следовать за Петром?»

Ленори. Следование не означает некое делание, оно даже не означает исключительно духовное отношение со Христом. Следовать – значит идти за человеческим присутствием, идти за людьми, идти за Личностью – Христом – в знаке Его человеческого присутствия, каким являются люди, которые последовали за Ним и которых Он изначально указал как воплощенную возможность следовать за Ним после Него, следовать за Ним по-настоящему (Петр, апостолы и т. д.). Всегда. Церковь тоже является таким знаком, и следовать за Церковью – значит признавать этот знак, признавать, что Церковь – место, где происходит следование за Христом, где оно постоянно воплощено в личных отношениях. Никто из нас не последовал за Иисусом Христом, последовав за явлением Иисуса Христа: нам были даны люди, встретившие Его, люди, наделенные авторитетом (даже в совершенной простоте, как мой плотник, благодаря которому сорок с лишним лет назад я встретил Движение), и именно в них мы

⁹⁵ Ср. *Ин.* 4:26.

признаем, что Христос просит нас следовать за Ним. Отсюда и привлекательность, поскольку Церковь идет вперед за счет привлекательности, привлекательности Христа.

Как мне кажется, мы всегда должны спрашивать себя, следуем ли мы за людьми и не за вещами, воплощено ли наше следование в знаках – людях, которых Христос нам дал, чтобы мы могли следовать за Ним до скончания века. Гарантом такого следования всегда является Петр, поскольку, выбрав его и сказав ему «Следуй за Мной» (чтобы потом Иоанн и тысячи других людей могли последовать за Ним), Иисус установил этот знак, эту проверку истинности следования – следования за людьми, которых не я выбрал из чувства симпатии, но через которых выбран я и в которых Церковь дарит мне себя как место, где я действительно могу следовать за Христом, а не за самим собой, не за моими истолкованиями, не за моими чувствами. Не знаю, понятно ли я говорю. Наверное, эту тему стоит рассмотреть еще глубже.

Проспери. Прекрасное замечание: «Я следую не потому, что выбираю, а потому, что выбран». На этом основан и критерий, позволяющий определить авторитет, за которым мы следуем, нет? Это так?

Ленори. Да, потому что во встрече со Христом, в рамках встречи со Христом Бог дает нам место, где мы можем следовать за Ним; Он позволяет нам родиться, но не оставляет посреди улицы, как новорожденного, брошенного матерью, Он позволяет нам родиться в семье, в компании людей, и потом становится ясно, за кем следовать: эти люди тебе даны. Помню, с самого начала встречи я понимал, что должен следовать и слушаться из любви к самому себе, так как я не хотел потерять событие, наполнившее мое сердце, даже когда со временем я увидел все недостатки людей, которые стали для меня проводниками встречи. Рано или поздно ограничения, конечно же, проявляются (они есть и их не может не быть), и все же я всегда понимал, что следование – благо для меня, и это неизменно меня спасало. Несмотря ни на что, я следовал, слушался, понимая, что только так я сохранял верность полученному дару, пережитой притягательной встрече со Христом.

Проспери. Спасибо.

«Ты сказал, что, говоря тому, кто рядом со мной: „Учитель здесь и зовет тебя“, – я передаю это всему миру. Объясни лучше, как это становится экumenизмом, вселенской ответственностью верующих».

Ленори. Настоящая проблема в том, чтобы позволять событию происходить и не просчитывать его эффективность. В миссии, в живом свидетельстве, в миссии Церкви важно не просчитывать эффективность, не продумывать усилия или средства, а позволять событию происходить. Этот метод начался с Девы Марии, с дыхания свободы Марии, сказавшей *fiat* и передавшей всему миру событие Христа. Если кто-то и передал всему миру событие Христа, так это Дева Мария, Богородица, а также Петр своим «да». Я могу передавать событие только как событие, и поэтому, не переживая опыт лично, не позволяя спасти меня, я не передаю событие; я передаю теорию, мораль, передаю не знаю что. Если я сам не переживаю опыт Тайны, присутствующей здесь и сейчас, зовущей меня и спасающей меня, и не говорю о нем тому, кто рядом со мной, я не передаю событие. Событие подобно огню: даже пламя тоненькой свечи я могу передать всему миру, но для этого нужно поделиться им с тем, кто находится рядом со мной, поделиться именно как огнем, а не отправить в Австралию сообщение о том, что в Италии горит свечка. Без контакта я не передаю ничего. Вот почему переживать событие с теми, кто находится рядом, крайне важно, ведь, если я не переживаю его с ними, значит, я сам не переживаю его и не передаю как событие. Не знаю, понятно ли это.

Проспери. Да. По сути, мы призваны устроить пожар!

Ленори. Разумеется! «Огонь пришел Я низвести на землю, и как желал бы, чтобы он уже возгорелся!»⁹⁶

Проспери. Следующий вопрос в разных формулировках был наиболее распространенным, поэтому мы оставили его на конец.

«От чего зависит размежевание свободы и желания? И что может устранить этот разрыв? Ты сказал, что „сердце встречает, желает, хочет обнять, но свобода по некоему бессознательному расчету, из страха, порожденного воображением, говорит нет, препятствует объятию. И тогда эта ложная свобода, тюремщица самой себе, утаскивает за собой сердце-ребенка, собиравшееся обнять Иисуса... навязывая ему другие пути к другой полноте, которые окажутся обманом все без исключения“. Каким образом ложная свобода порой берет верх над опытом преизбытка, переживаемым с Иисусом? Как при этом не предаваться унынию и не останавливаться?»

---

⁹⁶ Лк. 12:49.

Ленори. Думаю, именно здесь и проявляется первородный грех: есть в нас абсурдная склонность не прилепляться к добру, абсурдная склонность отвергать очевидно доброе, благое, прекрасное, отказываться от нашей радости. Эта абсурдная склонность вносит раскол между свободой и желанием. Желание желает одного лишь Христа, но в игру вступает свобода, которая, стремясь к абсурдной самореализации (абсурдной, потому что самодостаточной, ложной), не слушается желания, показывающего ей то, что наполняет сердце, и отрывает его от объекта желания. Об этом говорит апостол Павел: «Доброго, которого хочу, не делаю, а злое, которого не хочу, делаю»⁹⁷. Он ощущает в себе эту раненую свободу, раненную гордыней, высокомерной жизненной позицией, он ощущает свободу, не уступающую желанию очевидной привлекательности и очевидного влекущего к себе присутствия, чарующего, дающего все. Иисус говорит: «Вы не хотите прийти ко Мне, чтобы иметь жизнь»⁹⁸. Именно на это Он сетует: «Как же так? Я даю вам жизнь, а вы не хотите прийти ко Мне, ваша свобода решает не идти ко Мне, не принимать Меня, не любить Меня, не встречать Меня, не принимать Меня!»

Однако возмущение такой склонностью нашей свободы – последний оплот греха и гордыни. Последний оплот, потому что мы как будто говорим: «Меня это возмущает, и потому я спущусь еще глубже по этому абсурдному пути греха».

Что же нас спасает? Милосердие Бога, очевидность того, что Он всегда приходит, чтобы вновь вернуть нас к Себе. В опыте всей моей жизни каждый раз, когда моя свобода сдавалась и уже не отвечала, Христос всегда приходил, чтобы вернуть меня к Себе. Такова очевидность Его безвозмездного дара, безвозмездность Его дара, безвозмездность Его спасения, Его спасения, которое сильнее нас, сильнее греха. Христос, слава Богу, больше прислушивается к желанию нашего сердца, чем к нашей свободе: видя, как наша свобода сходит с ума настолько, что противоречит очевидности желания, очевидной привлекательности, Он по бесконечному милосердию Бога вытаскивает нас, как Он сделал это с Петром, как раз потому, что, как мы уже говорили, даже грех Он обращает для нас в последний вопль о помощи: «Спаси меня!» Христос заставляет нас идти вглубь самих себя, вглубь нашей ситуации и припирает нашу свободу к стенке, чтобы она уже не могла лгать, и тогда она начинает кричать и становится по-настоящему свободной: «Спаси меня!» И спасение приходит. Я говорю так не потому, что знаю об этом, а потому что мы переживаем это на опыте, это опыт.

---

⁹⁷ Рим. 7:19.

⁹⁸ Ин. 5:40.

Бог постоянно вытаскивает нас из нашего ничтожества, из нашей гордыни. Это и есть высшее проявление милосердия Бога: подобно доброму пастырю, Он пересекает моря и горы, чтобы найти заблудшую овцу, решившую отделить собственную свободу от желания полноты, о которой кричит ее сердце, и тем самым разрушившую всю свою жизнь.

Проспери. Какой прекрасный образ милосердия: Христос прислушивается к желанию нашего сердца больше, чем к нашей свободе.

Следующий вопрос, без сомнения, получает пальму первенства как самый частый.

«Меня глубоко поразила мысль из лекции в субботу вечером о привлекательности и свободе. Ты говорил, что в мире они пребывают в рабстве друг у друга, и я узнаю себя в этом описании. Можешь остановиться на этом подробнее?»

В определенный момент ты сказал, что привлекательность и свобода «спаяны», и многие люди спрашивали, что ты имел в виду.

Лепори. Мне это пришло в голову в тот момент, вы не должны принимать каждое слово как догму!

Пропери. А! Мне спокойнее оттого, что, как ты говоришь, некоторые слова могут случайно вылететь!

Лепори. Но мне не кажется глупым утверждение, что в мире привлекательность и свобода спаяны, что привлекательность и свободу связывает монолитное отношение. Думаю, так не происходит в христианском событии, не для того Бог дает нам опыт привлекательности и свободу. Он словно создал между ними пространство. То, что меня влечет, и моя свобода не слиты, между ними есть пространство желания. Пожалуй, «желание» – третье слово, которое нужно добавить посередине, потому что оно помогает лучше понять. Когда свобода и привлекательность сливаются, не остается места желанию, а значит, нет больше места и для свободы, нет пространства, в котором свобода могла бы проделать путь к чему-то отличному от нее. Наверное, я хотел сказать это, поскольку, когда привлекательность и свобода спаяны, они уже не в состоянии...

Проспери. ...порождать устремленность.

Лепори. ...принимать решение, выбирать, говорить друг другу да. И тогда они попадают в рабство, как некоторые персонажи Данте

в «Аде»: ненависть друг друга, они спаяны, не могут отъединиться друг друга и неизбежно друг друга поглощают. Думаю, понять это важно, ведь отсюда возникает вся тема целомудрия, чистоты. Между тем, что меня влечет, и моей свободой есть пространство желания, выбора, уважения, благодаря которому объятие действительно является действием свободы, а не тем, что меня закрывает; ты не просто бросаешься в объятие, которое тебя сжимает, душит и в конечном итоге убивает, подавляет, — это настоящий акт любви. Но это бесконечная тема, над которой мы должны размышлять дальше.

Проспери. Слава богу, у тебя это сорвалось с языка!

В завершение я хотел бы прочитать вопрос, который одновременно является свидетельством. Он от нашей подруги из Харькова.

«Опыт жизни в Движении подарил мне возможность пройти весь путь Марфы, о котором ты говорил, и испытывать возникшее во мне постоянное желание Христа. Благодаря этому опыту я вижу Его милосердие каждый день. Но зло в эти месяцы стало таким большим, что для украинцев это уже не вопрос недовольства Марфы тем, что человеку суждено умереть. Мой город бомбят каждый день, мои клиенты покинули свои дома, потеряли близких, отправили мужей на войну, проживают страх, боль, ненависть. В данную минуту в блокадном Мариуполе страшной, мучительной смертью от голода и ранений умирают женщины и дети. Они заживо погребены. Опыт Марфы как будто предлагает мне отойти от моей реальности или удовлетвориться памятью о Христе. Украина сейчас проживает не опыт Марфы, а опыт Христа на кресте, когда Он кричал: „Боже Мой, Боже Мой, для чего Ты Меня оставил?“ И многие из нас знают, что не оставил, ведь мы знаем воскресшего Христа. Но как жить сегодня во всепоглощающем зле, в котором даже Христу было сложно увидеть Отца?»

Ленори. Безусловно, этот вопрос, это письмо для меня — большой и очевидный вызов. Должен сказать, я, готовясь к упражнениям, ни на мгновение не забывал о мучительных переживаниях, которые все мы испытываем с тех пор, как началась война. И в сущности, именно эти мучительные переживания так или иначе вдохновили все упражнения, поскольку уже нельзя жить, не думая об этом, не разделяя эту трагедию, этот момент, в который смерть и зло, кажется, побеждают. Вот почему, думая об Украине, я решил завершить вторую лекцию сценой кораблекрушения, ведь подобная война и есть кораблекрушение, не только для Украины и не только для России, но и для Европы, и для всего мира. Это крушение человечности во всех смыслах слова: человечности, человеческого и человечества как совокупности

всех людей, живущих сегодня на земле. И поэтому помощью мне было увидеть, как переживал кораблекрушение Павел. Конечно, он сказал своим спутникам: «Корабль нам не спасти», – и это заставило меня глубоко задуматься, потому что это не может не вызывать у нас протест. Он добавляет: «Жизни ваши будут спасены»⁹⁹. И чтобы показать это, Павел (просто невероятно!) берет хлеб, благодарит, преломляет и ест. Он совершает Евхаристию в разгар кораблекрушения, то есть утверждает реальное присутствие Христа посреди кораблекрушения. И Христос, Которого он утверждает, – несомненно, единственный, в ком мы нуждаемся, Христос Марфы, но это и Христос распятый, Христос, воскресший из мертвых, Христос, сошедший в глубины человечности (как говорит наша подруга), отчаявшийся в Боге. Иисус пожелал дойти до глубины, до ада человеческого крушения, до той точки отчаяния, где человек отчаивается в Боге. Это не Он отчаялся в Отце, а человек. Иисус сошел, чтобы обнять и наше отчаяние. Подобно тому, как Он обнял нашу смерть, Он обнял и наше отчаяние. И потому нам остается только спрашивать себя, насколько мы осознаем, что Он один, наполняющий наше сердце, нужен нам, насколько мы осознаем, Кто на самом деле этот Человек, говорящий: «Я есмь воскресение и жизнь», – и обещающий нам: «Кто умрет, оживет». Это Христос распятый, Христос, умирающий за нас, бесконечная любовь Бога, которой не чуждо мировое кораблекрушение, Он ему не чужд, Он посреди него. В настоящий момент в Украине страдает Христос, это Он умирает, Он разлучен с близкими, Он изнасилован в украинских женщинах, Он претерпевает все. И мы должны лишь признавать Его, мы можем только всерьез обновлять наше «да» Ему там, где мы находимся, в жизни, которую проживаем, чтобы Он явил Себя нашим братьям и сестрам в Украине, явил Себя всем, в том числе и россиянам, как Тот, Кто сейчас переживает это, Кто страдает, Кто терпит кораблекрушение со всеми людьми. И крушение преодолено как раз потому, что это Он, как раз поэтому мертвые воскресают, зло побеждено и не властвует, последнее слово никогда не будет за ним, последнее слово и сейчас не за ним.

Одна подруга напомнила мне, что сегодня годовщина смерти Такаси Павла Нагаи и святого Риккардо Пампури. Оба они умерли первого мая. Какое провидение! Такаси Нагаи (я вчера уже немного говорил о нем) в автобиографической книге *Ciò che non muore mai*, к которой я подготовил предисловие и которая пока еще не вышла из-за редакционных проблем, описывает (и это невероятное свидетельство!) сцену, когда атомная бомба уничтожила все, и он оказался перед лицом своей полностью разрушенной жизни: жена, работа, студенты, университет, город, церковь – ничего

⁹⁹ См. здесь. С. 64–65.

не осталось. На мгновение его охватило отчаяние, а потом ему было как бы видение, он услышал Иисуса, говорившего: «Небо и земля прейдут, но Мои слова не пройдут». Иисус вселяет в него уверенность в Его победе, в том, что Он никогда не умирает. С того момента Такаси решает жить исключительно ради того, что никогда не умирает, ради Христа. Он проведет последние годы своей жизни, отмеченные болезнью (вы знаете об этом, вы об этом читали), с радостью, с верой утверждая то, что никогда не умирает, что Христос есть воскресение и жизнь. Он делал это разными способами: через книги, через отношения со своими двумя детьми, через встречи со множеством людей, через приношение своей болезни. Во всем он утверждал одно: Христос есть воскресение и жизнь людей, и Он не умирает ни в каком кораблекрушении. Так вот, на нас лежит ответственность – жить так в отношениях с нашими братьями и сестрами в Украине, жить этим «да» Христу, этим «да» Христу, Который никогда не умирает, благодаря Которому смерть и зло никогда не одерживают победу.

Я не то что могу ответить на письмо нашей украинской подруги. Я хочу лишь принять его, я могу лишь принять его и проживать его так – как послание, которое станет задачей, поставленной мне этими упражнениями, задачей в моей жизни, в том, как я проживаю жизнь. Я не могу, мы не можем жить, не сознавая крик, который донесла до нас наша подруга. Всё здесь.

Проспери. Спасибо, спасибо огромное! У нас будет время, чтобы вернуться ко всему сказанному.

Споём *Regina Caeli*.

ПОЛУЧЕННЫЕ СООБЩЕНИЯ

Дорогие мои,

хочу обратиться ко всем вам по случаю ежегодных упражнений. «Христос – жизнь жизни», как учил нас слуга Божий монсеньор Луиджи Джуссани, является корнем нашего существа. Ничто, даже наши слабости, не может этого изменить. Так давайте же со смирением будем просить о новых глазах, чтобы увидеть Его в нашей жизни и в наших отношениях. Давайте в мае будем испрашивать у Богородицы простоты сердца, чтобы осознать дар встречи и задачу, которая с ней связана: любить Движение, Церковь и передавать ее красоту.

В Господе благословляю вас.

*Его Высокопреосвященство кардинал Анджело Скола,
архиепископ Милана на покое*

ОТПРАВЛЕННЫЕ ТЕЛЕГРАММЫ

Его Святейшеству папе Франциску

Ваше Святейшество,

Более сорока тысяч человек, подключившихся по видеосвязи в девяти странах, приняли участие в ежегодных упражнениях Братства «Общения и освобождения» и размышляли на тему «Христос – жизнь жизни». В сопровождении отца Мауро Джузеппе Лепори, который предложил нам свое личное свидетельство человека, достигнутого и преобразенного Христом, мы, такие, какие есть, смотрели на Иисуса, позволили увлечь нас Ему, достигшему нас в рамках компании по призванию вместе с людьми, которые решили следовать за Христом, единственным, кто нам нужен для жизни, исчерпывающим ответом на нашу потребность в счастье, мире, братстве, красоте и осуществлении жизни.

В эти дни мы более глубоко осознали ценность нашего Братства, верные харизме, которую Дух Святой дал отцу Джуссани. Оно является местом, где мы можем убедиться, что Христос – всё для сердца человека, основание дружбы, которая невозможна без Него. И потому и мы можем говорить: *«Христос – жизнь моей жизни»* (отец Джуссани).

С сердцем, полным благодарности за Ваше апостольское благословение, нуждаясь, чтобы Петр непрестанно утверждал нас в вере, просим Вас использовать нас по своему усмотрению, чтобы мы были соратниками Христа в деле спасения, осознавая, что христианство передается не через прозелитизм (сколько раз Вы напоминали нам об этом!), а через привлекательность.

Ощущая большую ответственность за наше единство с каждым человеческим сердцем, которое мы встречаем, и воодушевленные милосердной Любовью, которая делает новым все, мы продолжаем молиться за Вас, непоколебимого свидетеля живого Христа, Того, Кто в это время войны является единственным источником истинного мира.

Давиде Просперу

Его Святейшеству папе на покое Бенедикту XVI

Ваше Святейшество,
во время упражнений Братства «Общения и освобождения», в которых по видеосвязи участвовали более сорока тысяч человек со всего мира, мы пережили опыт встречи с живым Христом. Размышления отца Мауро Джузеппе Лепори на тему «Христос – жизнь жизни» (отец Джуссани) позволили нам смотреть на Христа, Который выходит навстречу нашей человечности, нуждающейся лишь в Нем, единственно необходимым. В Его компании мы можем совершить человеческий путь на благо Движения, Церкви и всего мира.

Прося Богородицу наполнить Ваши дни миром и радостью, испрашиваем Ваших молитв о пути нашего Братства.

Давиде Проспери

*Его Высокопреосвященству кардиналу Кевину Джозефу Фарреллу,
префекту Дикастерии по делам мирян, семьи и жизни*

Ваше высокопреосвященство,
в духовных упражнениях Братства «Общения и освобождения» приняли участие более сорока тысяч человек, подключившихся к видеотрансляции по всему миру, чтобы размышлять на тему «Христос – жизнь жизни». Отец Мауро Джузеппе Лепори подробно остановился на этом утверждении отца Джуссани во время размышлений, предложив свидетельство о том, что встреча с Христом – это новизна, меняющая существование тех, кто принимает Его и следует за Ним как за единственным, кто необходим для жизни.

Мы возобновляем путь с желанием брать на себя все большую ответственность за харизму,веряя все, чем мы являемся по благодати, в руки Петра, чтобы он утвердил нашу веру и мы могли конкретностью нашего существования вносить вклад в жизнь Церкви, которая есть знак надежды для всех наших братьев и сестер.

Прося молитв о нашем пути, препоручаем Богоматери Ваше служение по сопровождению верующих мирян.

Давиде Проспери

*Его Высокопреосвященству кардиналу Гуальтьеро Бассетти,
президенту Конференции епископов Италии*

Ваше Высокопреосвященство,

более сорока тысяч человек со всего мира (большинство из Италии) приняли участие в ежегодных духовных упражнениях Братства «Общения и освобождения», которые в этом году снова проводились по видеосвязи. Тема «Христос – жизнь жизни» (отец Джуссани) позволила нам под руководством отца Мауро Джузеппе Лепори, читавшего упражнения, глубже осознать, что Христос необходим нам для жизни и что только Его присутствие здесь и сейчас отвечает на бесконечную потребность нашего сердца.

В верности полученной харизме и в тесной связи с Петром мы продолжаем идти вперед, погруженные в жизнь Церкви в Италии, помогая передавать веру всем, кого мы встречаем и кто, даже неосознанно, ждет встречи с Тем, Кто наполнит их жизнь радостью и миром.

Молясь о Вас, просим Вас и дальше сопровождать нас на пути Вашей милосердной отцовской любовью.

Давиде Проспери

*Его Высокопреосвященству кардиналу Анджело Сколе,
архиепископу Милана на покое*

Дорогой Анджело,

благодарные за твое письмо, в дни упражнений мы были наполнены молчанием, глядя, как вновь являет Себя Христос – жизнь жизни, достигший нас через свидетельство отца Мауро и его «да» событию, происходящему в настоящем, в силу которого мы желаем жить, как он и как Иисус. Спасибо, что напомнил нам, что никакая слабость не может подорвать смиренную уверенность в том, что Он основание нашего существа перед всем и всеми.

Молясь о тебе Богородице, просим хранить все Братство в твоём сердце.

Давиде Проспери

ИСКУССТВО В НАШЕЙ КОМПАНИИ

Составитель – Джованна Парравичини

*Комментарий к произведениям искусства,
показом которых сопровождались фрагменты классической музыки,
звучавшие перед началом и по завершении встреч.*

«Искусство превосхищает нечто вечное», – напомнил нам отец Джусани на духовных упражнениях Братства в 1994 году. Немногие формы искусства предлагают нам такое непосредственное подтверждение его слов, как икона – окно, открывающееся в бесконечность. Перед нами путь воспитания взгляда, который начинается с перечитывания истории спасения и устремлен к созерцанию благого лика Тайны – цели жизни.

1. *Зачатие Богоматери*. 1294–1295. Северная Македония, Охрид, церковь Пресвятой Богородицы Перивлептос.
2. *Зачатие Богоматери*. Россия, XVIII в. Солигалич (Костромской музей-заповедник).
3. *Зачатие Богоматери*. Россия, XVII в. Архангельский музей изобразительных искусств.
4. *Рождество Богоматери*. 1314, Сербия, монастырь Студеница.
5. *Рождество Богоматери*. Москва, XVI в. Собрание Воробьевых.
6. *Введение во храм Богоматери*. Россия, XVI в. Владимиро-Суздальский музей-заповедник.
7. *Введение во храм Богоматери*. Новгородская школа, XIV в. Санкт-Петербург, Государственный русский музей.
8. *Устюжское Благовещение*. Великий Новгород, XII в. Москва, Государственная Третьяковская галерея.
9. *Благовещение*. Россия, XV–XVI в. Владимиро-Суздальский музей-заповедник.
10. *Благовещение*. Россия, XVI в. Владимиро-Суздальский музей-заповедник.
11. Дионисий. *Встреча Марии и Елисаветы*. Россия, 1502. Ферапонтов монастырь, собор Рождества Богородицы.
12. *Рождество Христово*. 1192. Кипр, Лагудера, церковь Панагия ту Арака.

13. *Рождество Христово*. Мастерская Андрея Рублева. 1410–1430. Москва, Государственная Третьяковская галерея.
14. Андрей Рублев. *Архангел Михаил* («Звенигородский чин»). Россия, 1410–1420. Москва, Государственная Третьяковская галерея.
15. *Богоматерь Одигитрия*. Сербия, 1260–1270. Афон, монастырь Хиландар.
16. *Богоматерь Одигитрия*. Грузия, IX–XIII в. Тбилиси, Музей изобразительных искусств им. Шалва Амиранашвили.
17. *Богоматерь Одигитрия*. XIV в., Северная Македония, Охрид, Галерея икон.
18. *Богоматерь Умиление*. Россия, XVI в. Владимиро-Суздальский музей-заповедник.
19. *Богоматерь Аракиотисса*. XII в. Кипр, Лагудера.
20. *Сретение*. XII в. Кипр, Лагудера.
21. *Сретение*. Новгородская школа. XV–XVI в. Новгородский музей-заповедник.
22. *Сретение*. Россия, XVII в. Ярославль, Художественный музей.
23. *Отрок Иисус в храме*. Новгородская школа. XV–XVI в. Новгородский музей-заповедник.
24. *Отрок Иисус в храме*. Россия, XVI в. Псковский музей.
25. *Крещение Господне*. Новгородская школа. XV–XVI в. Новгородский музей-заповедник.
26. *Крещение Господне*. Московская школа, 1408. Санкт-Петербург, Государственный Русский музей.
27. *Иоанн Предтеча со сценами жития*. Россия, XVI в. Музей-заповедник «Ростовский Кремль».
28. *Христос Пантократор*. Сербия, 1260–1270. Афон, монастырь Хиландар.
29. *Христос Пантократор*. Кипр, Лагудера, церковь Панагия ту Арака, 1192. Византийский музей Никосии.
30. *Христос Пантократор*. Грузия, XIII–XIV в. Свипи, церковь Святого Георгия.
31. Андрей Рублев. *Спас* («Звенигородский чин»). Россия, 1410–1420. Москва, Государственная Третьяковская галерея.
32. Феофан Грек. *Преображение*. Россия, ок. 1403. Москва, Государственная Третьяковская галерея.
33. *Преображение*. Новгородская школа, 1470–1480. Новгородский музей-заповедник.
34. *Христос Пантократор*. Египет, VI в. Монастырь Святой Екатерины на горе Синай.

35. *Воскрешение Лазаря*. Новгородская школа, XV–XVI в. Новгородский музей-заповедник.
36. *Вход Господень в Иерусалим*. Новгородская школа, XV–XVI в. Россия, частное собрание.
37. *Вход Господень в Иерусалим*. Новгородская школа, ок. 1430. Москва, Государственная Третьяковская галерея.
38. *Омовение ног*. Новгородская школа, 1509. Новгородский музей-заповедник.
39. *Тайная вечеря*. Ростовско-Суздальская школа, XVI в. Москва, Государственная Третьяковская галерея.
40. *Причащение апостолов*. Россия, 1520–1530. Москва, частное собрание.
41. *Страсти Господни (Тайная вечеря, Омовение ног, Моление о чаше, Предательство Иуды)*. Новгородская школа, XV–XVI в. Новгородский музей-заповедник.
42. *Страсти Господни (Бичевание Христа, Надругание над Христом, Шествие на Голгофу, Распятие)*. Новгородская школа, XV–XVI в. Новгородский музей-заповедник.
43. *Шествие на Голгофу*. Россия, ок. 1497. Москва, Музей Андрея Рублева.
44. *Спас Нерукотворый*. Россия, XII в. Москва, Государственная Третьяковская галерея.
45. *Распятие*. Грузия, XI–XII в. Свипи.
46. *Распятие*. 1208–1209. Сербия, монастырь Студеница.
47. Дионисий. *Распятие*. Россия, 1500. Москва, Государственная Третьяковская галерея.
48. *Снятие со креста*. Россия, Северная школа, XV в. Москва, Государственная Третьяковская галерея.
49. *Оплакивание Христа*. 1164. Северная Македония, Нерези, церковь Святого Пантелеймона.
50. *Оплакивание Христа*. Россия, ок. 1140. Псков, Мирожский монастырь.
51. *Сошествие во ад со святыми*. Псковская школа, XV в. Псковский музей-заповедник.
52. *Сошествие во ад*. Мастерская Дионисия, 1502. Санкт-Петербург, Государственный Русский музей.
53. *Сошествие во ад*. Московская школа, XIV в. Москва, Государственная Третьяковская галерея.
54. *Жены-мироносицы у Гроба Господня*. До 1228. Сербия, Милешево.
55. *Жены-мироносицы у Гроба Господня*. Россия, ок. 1140. Псков, Мирожский монастырь.

56. *Уверение Фомы*. Новгородская школа, XV–XVI в. Новгородский музей-заповедник.
57. *Уверение Фомы*. Россия, XVI в. Архангельский музей изобразительных искусств.
58. *Вознесение*. Мастерская Андрея Рублева, 1410–1420. Москва, Государственная Третьяковская галерея.
59. *Вознесение*. Новгородская школа, 1542. Новгородский музей-заповедник.
60. *Сошествие Святого Духа на апостолов*. Новгородская школа, XV–XVI в. Новгородский музей-заповедник.
61. *Успение Богоматери*. 1263–1268. Сербия, церковь Святой Троицы в монастыре Сопочаны.
62. *Успение Богоматери*. Новгородская школа, 1470–1480. Новгородский музей-заповедник.
63. *Богоматерь Умиление*. Россия, XV в. Владимиро-Суздальский музей-заповедник.
64. *Богоматерь Владимирская*. Византия, XII в. Москва, Государственная Третьяковская галерея.
65. *Богоматерь Оранта*. Россия, ок. 1224. Москва, Государственная Третьяковская галерея.
66. Дионисий. *Богоматерь Одигитрия*. Россия, 1482. Москва, Государственная Третьяковская галерея.
67. *Собор всех святых*. Россия, XVI в. Музей-заповедник «Ростовский кремль».
68. Андрей Рублев. *Троица*. Россия, 1425–1427. Москва, Государственная Третьяковская галерея.

Содержание

ТЕЛЕГРАММА ПАПЫ ФРАНЦИСКА 3

Пятница, 29 апреля, вечер

ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО 5

ВВЕДЕНИЕ – *«Одно только нужно»* 10

Суббота, 30 апреля, утро

ПЕРВОЕ РАЗМЫШЛЕНИЕ – *Родиться во встрече,
расти в следовании* 23

Суббота, 30 апреля, вечер

ВТОРОЕ РАЗМЫШЛЕНИЕ – *«Учитель здесь и зовет тебя»* 45

Воскресенье, 1 мая, утро

СОБРАНИЕ 67

ПОЛУЧЕННЫЕ СООБЩЕНИЯ 85

ОТПРАВЛЕННЫЕ ТЕЛЕГРАММЫ 86

ИСКУССТВО В НАШЕЙ КОМПАНИИ 89

© Братство «Общения и освобождения»,
тексты Л. Джуссани, Д. Проспери, М. Дж. Лепори, 2022

Перевод с итальянского: Ulteya

